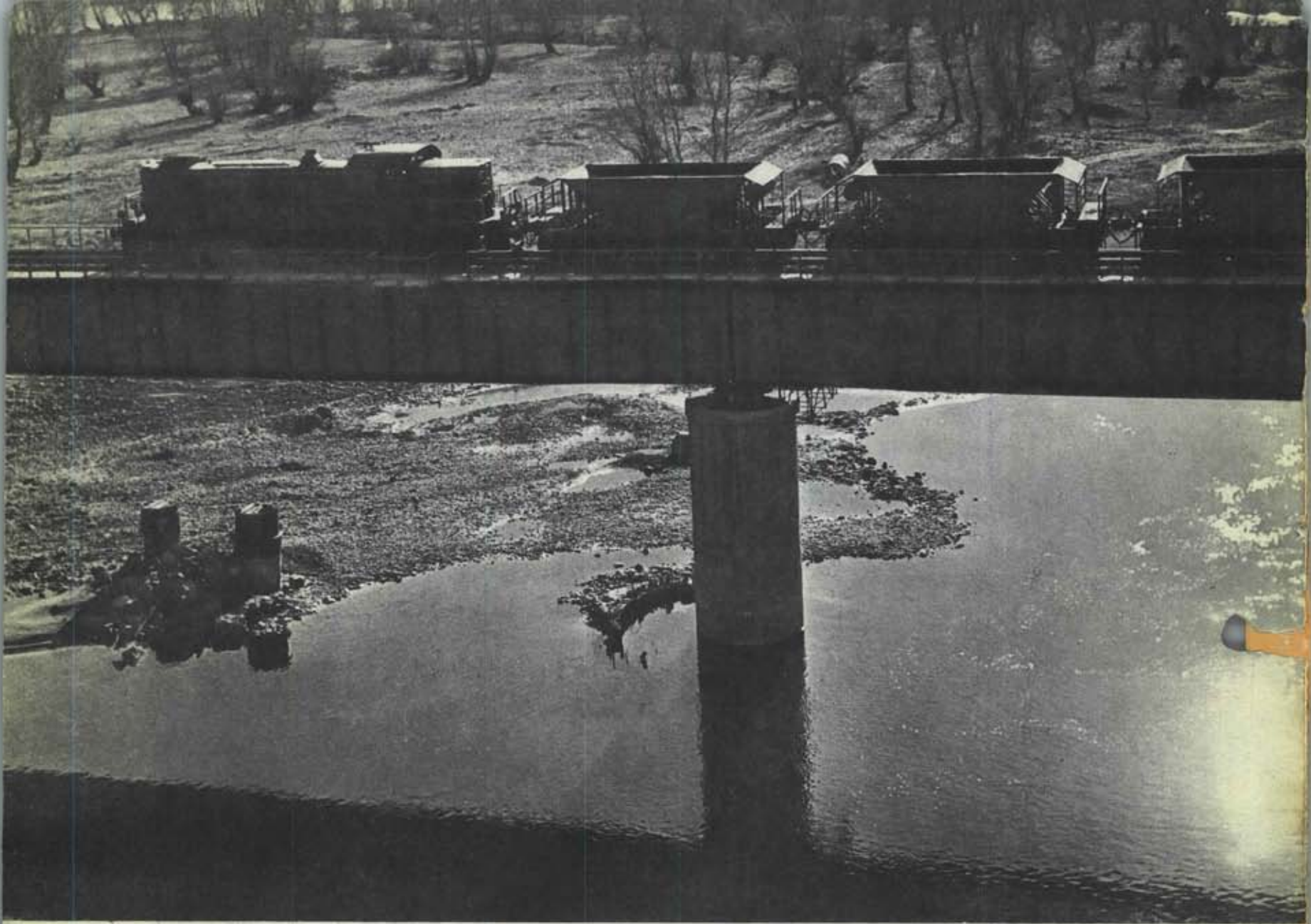

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

✓
1963

729/2
12
СМЕНА

Сотни лет смотрелось солнце в это водное зеркало, сотни лет его лучи освещали эти дикие горы и нетронутые леса, в которых трудно было встретить человека. Казалось, так будет всегда... Но однажды сюда, в эти глухие места, пришли молодые, жизнерадостные, трудолюбивые люди, такие, каких вы видите на нижнем снимке, и тайга огласилась веселыми песнями, рокотом мощных машин, грохотом взрывов.

Ни овраги, ни топи, ни горные хребты не могли задержать неукротимого наступления

молодости, переделывающей природу, открывающей кладовые ее несметных богатств. И тем скептикам, которые толкуют еще, что молодежь, дескать, теперь пошла не та, было бы полезно побывать здесь, на строительстве трассы Абакан — Тайшет, или на других ударных комсомольских стройках и убедиться, что нынешнее молодое поколение достойно несет эстафету отцов, сражавшихся под Перекопом, строивших Магнитку и ДнепрогЭС, отстаивших свободу в борьбе с фашизмом.

ЛИЦО МОЕГО СОВРЕМЕННОГО

Виктор РОЗОВ

РАЗДУМЬЯ
О МОЛОДЕЖИ
НАШИХ ДНЕЙ

Я с большим удовольствием берусь за эту статью о молодежи наших дней, так как это не отнимает у меня времени от работы, а как бы продолжает ее. Во всех моих пьесах и киносценариях главными действующими лицами являются молодые люди — юноши и девушки. И, естественно, работая над пьесой, я беспрестанно думаю о жизни, о судьбе не только своих персонажей, но всей нашей молодежи, среди которой я отыскиваю прототипы действующих лиц.

Молодежь сегодняшнего дня удивительно интересна!

Прежде всего она разная. Разная до контрастности. Она бурлит. Бурлит шумно, многоголосо. Хорошо бурлит. Я вижу романтиков и скептиков, одержимых и осторожных, характеры цельные и характеры «размазня», героев и обывателей. И при всей многоликости и многоголосости сегодняшней советской молодежи она удивительно едина. Я и буду говорить о ее разности и о ее цельности.

Сегодняшняя наша молодежь — это третье поколение нашего молодого общества. Я произвожу это деление несколько произвольно: просто отсчитываю от времени революции и гражданской войны по 20 лет. Именно за подобный срок, на мой взгляд, происходит у

нас наиболее полная смена поколения молодых.

Первое поколение советской молодежи — это юноши и девушки эпохи гражданской войны. Это дети рабочих, крестьян и революционной интеллигенции. Мало или совсем необразованные, с чистым сердцем и пламенной отвагой, они с оружием в руках защищали нашу только что родившуюся республику рабочих и крестьян. Основной герой тех лет — это страстный борец за Советскую власть, разрушитель старого мира и первоостроитель нового управления, экономики, культуры. Миллионы молодых людей впервые в жизни знакомились с дробями и узнавали, что был Шекспир. Это было время великих открытий и в малом и в большом, и молодежь жадно впитывала все новое.

Молодой человек второго поколения — а это будет молодой человек уже конца тридцатых годов — совсем иной. За двадцать лет страна прошла сложный, интересный путь, строя новое общество и тем самым формируя нового человека. Закон о всеобщем бесплатном образовании дал свои результаты, и мы — я пишу «мы», так как принадлежал именно к этому молодому поколению, — мы уже в самом начале своего жизненного пути выглядели куда более культурными и образованными, чем наши предшественники — пионеры революции. Мы никогда не держали в руках браунинга и винтовки, но зато хорошо знали, что такое молотки, лопаты, логарифмические линейки, карандаши, тетради.

Мы знаем, что в первые годы революции в среде нашей молодежи осуждались галстуки, банты, шелковая одежда, шляпы, одеколон или духи, вальс или падеспань. Даже тщательно выбритое лицо вызывало подозрение по поводу твоего морального и социального облика. Очень хорошо помню, как нас, молодых людей конца тридцатых годов, взрослые упрекали «за легкость» отношения к жизни, как нас уже тогда корили Павлом Корчагиным, ставили в пример молодежи прежних лет (то есть собственную молодость). И, поглядывая на нас, танцующих фокстрот и танго, «старички» сокрушались, грозно качивали головами и сентенциозно произносили: «Да, не будет из вас толку. Молодежь теперь пошла не та... Мы-то в ваши годы...» и так далее. И многим тогда как будто и невдомек было, что именно трудом миллионов юношей и девушек, которые ничего зазорного не видят в танго или шелковом платье, возводятся Магнитогорск и Комсомольск-на-Амуре...

И вдруг разразилась вторая мировая война. Мы, отдававшие все свои помыслы созидательному труду, взяли в руки оружие. Взяли по велению сердца, совести и идеалов. Мы защищали не только свою Родину, но и завоевания нашей революции. В сути своей молодежь конца тридцатых годов оказалась достойным преемником идеалов молодежи первых лет революции и гражданской войны. На ее долю выпало вместе со старшим поколением отстаивать свободу и независимость страны от фашистского нашествия. Именами героев второго молодого поколения названы улицы, площади, школы многих городов Советского Союза. Да и сами эти улицы и города, тысячи заводов, шахт, колхозов были в сказочно короткий срок подняты из руин руками и талантом этого поколения.

Прошло еще двадцать лет. Пришло новое поколение. Если мы возьмем фотографию паренька времен гражданской войны и сравним ее с молодым человеком наших дней,

несходство будет разительным! В чем же своеобразие нынешней молодежи? Каковы ее идеалы и печали? Чего она добивается? И, наконец, каких свершений можно от нее ожидать?

Главными отличительными чертами современной молодежи я считаю глубокий интерес к внутреннему миру человека, повышенную нетерпимость ко всему, что мешает жить человеку по-человечески. Ставшая традиционной тяга к образованию превратилась во всенародное стремление к знаниям.

Помню, на встрече со слушателями университета культуры Московского автозавода имени Лихачева мне рассказывали, что если раньше рабочие ведущих цехов, всегда получавшие высокую зарплату, редко шли в школы рабочей молодежи, то теперь и они непременно хотят учиться. И не потому, что после учения у них повысится квалификация и, естественно, заработная плата, а просто потому, что необразованному невыносимо скучно жить.

Как-то раз, будучи в Болгарии, я услышал выражение: «Учиться надо для того, чтобы далеко видеть». Сейчас желанием учиться движет не необходимость, не расчет, а именно страсть далеко видеть. И юность понимает, что это одна из самых высоких радостей человека.

Часто, встречаясь с нынешней молодежью, я бываю поражен ее способностью быстро, остро и глубоко схватывать и усваивать новейшие научные понятия, которые сформировавшемуся взрослому уму или чрезвычайно труднодоступны, или совершенно непостижимы.

Все чаще выбор профессии происходит не по принципу «где мне будет выгоднее работать после окончания учебного заведения», а по душевному влечению, которое, видимо, и есть призвание. Иногда приходится и пересчитывать. Мой племянник, например, учился в автомеханическом институте. Но на 3-м курсе вдруг понял, что ошибся в выборе своей специальности. Его увлекла математика. Эта страсть так захватила его, что он в течение последующих лет не только окончил автомеханический институт, но самостоятельно прошел курс математики в объеме университета и пошел работать не на автомобильный завод, а в отдел счетно-решающих машин.

Другая отличительная черта нашей молодежи — повышенный интерес к внутреннему миру человека, желание сделать самого себя прекрасным, совершенным. Удивительно дорогая для меня черта, потому что я давно считаю: ничто не приносит столько страдания, как человек человеку и человек сам себе.

Откуда возник этот повышенный интерес к внутреннему миру человека? Один советский писатель, на мой взгляд, очень верно подметил: когда мы начали возводить здание нового общества, вокруг и внутри было очень много строительного мусора и просто хлама. И руки у нас не доходили, чтобы убрать весь дом, половина его так и стояла необработанной. Теперь пришло и для нее время.

Можно ли изменить человека? Снять с него тысячелетнее наложение дурного? Считать ли бесспорным, что человек рождается чистым, как белый лист бумаги, на котором, по выражению Руссо, можно писать все что угодно? Или истина заключается в том, что человек от рождения зол, мстителен, алчен, эгоистичен? Лично я глубоко убежден, что он не рождается ни ангелом, ни чертом. И в то же время рождается и тем и другим. Кто возьмет верх? И вот тут-то воздействие окружающей среды, влияние семьи и общества, воспитание и являются решающими.

Шекспир устами Гамлета сказал: «Человек, научившийся владеть своими страстями, для меня идеал». Мне очень нравится эта фраза. Воля человека и его страсти — это всадник и конь. И чем бешенее конь, тем труднее им управлять, тем крепче должна быть рука всадника — воля. Наше воспитание направлено не только на воспитание чувств, но и, может быть, в первую очередь на воспитание воли.

Я несколько отвлекся от размышлений о молодежи, но именно современная наша молодежь горячо верит в возможность изменения человека, сознательного формирования его характера, лучших качеств. Когда я писал пьесу «В поисках радости» я задался целью разобраться в вопросе: что же есть для человека истинные радости, а что можно назвать только удовольствиями? И я увидел, что подав-

ляющее большинство удовольствий связано с деньгами, а настоящие человеческие радости невозможно приобрести ни за какие деньги.

Формируя свой внутренний облик, молодежь интересуется решительно всем. Московский центральный детский театр разослал своим зрителям старшего возраста анкеты, где среди прочих вопросов был такой: «Что сейчас тебя больше всего волнует в жизни?» Я привожу один наиболее характерный ответ: «Что волнует?! Я мог бы сказать, что меня волнует будущее моего поколения и, конечно, личное будущее, что меня волнует музыка Прокофьева, стихи Сендберга, голос Ива Монтана и положение паузасов на острове Таити. И это было бы правдой. Однако это не все: ведь существует чудесная живопись Японии, летят ракеты в космос, и были средние века... Надо просто жить, не ища спокойствия... Я так считаю». Это написал пятнадцатилетний ученик девятого класса 11-й школы г. Москвы Виктор Ильющенкин.

Знакомясь с грудой этих анкет-вопросов, я с восторгом вижу, как широк круг интересов нашей молодежи, как велика степень жадности к знаниям, степень требовательности к себе.

Любовь, дружба, долг, призвание, досуг, взаимоотношения со старшими, литература, искусство, одежда — все, решительно все — от смысла жизни до фасона ботинок — входит в круг внимания молодежи.

Не так давно я получил письмо от группы студентов архитектурного и строительного институтов. Они обращаются с просьбой получить разрешение на постройку города по их планам и чертежам. Они предполагают собрать большую группу энтузиастов, возвести город своими руками, поселиться там и жить по самым высоким нравственным нормам.

Могут сказать, что это юношеская романтика. Допустим. Но это романтика радости. Романтика деятельная, созидательная, а не романтика старого мира приключений. Эта увлеченность молодых строителей нового мира возникает естественно, из самой атмосферы творчества и создания, которой дышит и живет вся страна.

Есть ли у нас иная молодежь? Конечно, есть. Есть и молодые карьеристы, и мелкотравчатые мещане, для которых свое «я» — центр вселенной, и избалованные родителями недоросли, прожигатели жизни, и, наконец, просто уголовный элемент. Но все они, вместе взятые, — лишь капля по отношению к той молодежи, которая учится, работает и составляет волнуемый океан юных жизней. Но и эта капля не может не волновать нас, взрослых, так как духовные болезни часто носят остроинфекционный характер.

Но особо мне хотелось бы упомянуть о той части молодежи, которая вызывает сейчас нас много споров.

По внешнему признаку (модная, элегантная одежда) некоторые «старички» сгоряча ошибочно причисляют ее к «стилягам». Но ведь «стиляги» — это пустые юнцы, в черепных коробках которых не бьются никакие свежие, большие мысли. Круг интересов их беден и узок: танцальки, ресторан, попойка, мелкое хулиганство. Тут нет ничего нового: еще в XVII веке в России были «стиляги» — их называли тогда «щеголи» и «щеголихи» и высмеивали в сатирических журналах.

Нет, те, кого я имею в виду, не «стиляги». Большинство этих молодых людей хорошо развиты умственно, интересуются музыкой, живописью, последними достижениями науки.

Молодежь присуще остро критиковать недостатки нашей жизни, критиковать открыто, без стеснения. Нынешняя молодежь отличается, пожалуй, особой нетерпимостью ко всему уродливому, мешающему жить. Я объясняю это главным образом двумя причинами. Одну из них я уже назвал: подлинная образованность ведет к повышенной этической требовательности к людям и к самому себе. Вторая же причина — борьба с последствиями культа личности Сталина. Тот перелом, который произошел в нашем обществе после XX и XXII съездов партии, та демократизация жизни и смелая, открытая критика недостатков, порожденных культом личности Сталина, — все это создало новые условия, в которых очутилась молодежь. Те молодые люди, о которых идет здесь

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал Центрального Комитета ВЛКСМ

Январь 1963

НЕПРИМИРИМЫЕ

По странной случайности маршрут моих поездок по редакционным заданиям в минувшем году совпал с маршрутом весны. Я встречал ее в Ташкенте, в Краснодаре, в Москве и Омске. А в пятый раз — в середине мая в Комсомольске-на-Амуре. Пятая весна особенно запомнилась, потому что сделала меня свидетелем того, как большое новое дело, родившись в столице, приходит к самым отдаленным уголкам страны.

В те дни Комсомольск готовился к своему тридцатилетию. Участники самодеятельности оттачивали в клубах новые программы концертов. По Амуру, мутному и полноводному от стаявших недавно снегов, скользили шлюпки и байдарки заводских спортсменов. На стадионе, где только-только начала пробиваться свежая зелень травы, тренировались легкоатлеты. Я смотрел, как они, закончив разминку, столпились вокруг тренера, затем первая плетка вышла на старт стометровки. В это время к дорожке подъехала светловолосая девушка на велосипеде, притормозила и крикнула:

— Саша! Срочно — в горком!
Крайний из плетери с сожалением сошел со стартовой черты... Через полчаса в просторной комнате городского комитета комсомола негде было присесть. Даже подоконники заняли ребята и де-

вушки: одни — с книгами, другие — в спортивных костюмах, третьи — в брезентовых робах и комбинезонах. Я видел здесь знакомые лица ребят с «Амурстали», активистов, с которыми встречался на строительных площадках города, в клубах, в цеховых комитетах ВЛКСМ.

Секретарь горкома открыл заседание необычно:

— Извините, товарищи, за спешку, но дело не терпит промедления. Сегодня днем по инициативе московских комсомольцев с заводов имени Лихачева, Владимира Ильича, «Серп и молот» в комсомоле родилось новое патриотическое движение — созданы первые отряды «комсомольского прожектора»...

Давайте подумаем, — сказал, заканчивая свое выступление секретарь горкома, — как нам лучше организовать работу «прожектора» у себя...

На него смотрели десятки глаз: одни — внимательно прищуренные, другие — просто внимательные, третьи — недоверчивые. После совещания я подошел к пареню, который, как мне показалось, с сомнением слушал выступление секретаря горкома.

Паренек назвал себя:
— Аркадий Суров. Строгальщик.

— Вам не понравилось предложение москвичей?

— Сейчас трудно сказать, понравилось или нет. Неясно мне пока, в чем принципиальное различие между «прожектором» и теми же рейдами или комсомольскими постами? Есть такое различие или просто меняем название?..

Да, вопросы эти волновали тогда не только Аркадия. Действительно, не является ли «прожектор» механическим объединением старых форм работы, которую в течение последних лет активно вел комсомол? Или есть в нем какое-то качественное отличие?

С момента нашего разговора с Аркадием Суровым прошло около семи месяцев. За это время в стране произошло много важных событий, и, конечно, главное из них — ноябрьский Пленум ЦК КПСС, на котором в числе других актуальных проблем обсуждались вопросы контроля над производством. Решения партийного Пленума вызвали широкий отклик комсомольских организаций. И снова вспыхнули споры о том, каким должен быть «комсомольский прожектор», как должны работать его отряды.

Впрочем, споры эти не прекращались. Свидетелем одного из них я стал летом минувшего года на строительной площадке г. Владимира.

— Нас шестой раз бросают на

бетонный завод, — говорил, сердясь, высокий парень в линялой солдатской гимнастерке без погон. — Там постоянно заврал! И что же, всегда на нас будут выезжать?

Товарищ возражал ему:

— Ты пойми, участок под нашим контролем — нам и выручать. Или пусть простанвают, по-твоему? Это раньше ты мог так: дать сигнал, повесить «молнию» — и руки в брюки. А сейчас — «прожектор». Точка.

— Это тоже не «прожектор», если хочешь знать.

— Именно «прожектор»...

— Нет, не «прожектор»...

«Прожектор» или не «прожектор»? Должна или не должна была рейдовая бригада «комсомольского прожектора» в шестой раз ликвидировать прорыв на одном и том же участке? Причем прорыв по одним и тем же причинам?

Ребята решили большинством: должна. Прорыв ликвидировали. И это была, конечно, работа именно «прожектора». Можно так: в шестой, и в седьмой, и в восьмой раз устранять «прореху». А можно и иначе — как сделали молодые цементники из Ферганской долины.

...Далеко от Москвы, на самой границе Узбекистана с Киргизией, дымят трубы Кувасайского цементного комбината. В один из беспощадно знойных июньских дней,

речь, особенно нетерпимы к бюрократизму, ханжеству, пустословию, казенщине. Подобного типа молодежь, которую, я повторяю, нет оснований смешивать со «стилягами», есть и в студенческой сфере, и в научной, и в искусстве, и среди рабочих. Не так давно я встречался с молодыми рабочими автомобильного завода имени Лихачева и именно таких ребят и девушек увидел и там. Все перечисленные выше черты, вплоть до желаний одеваться элегантно, я отношу к чертам положительным.

Что же в этой части нашей молодежи отрицательного, заставляющего подчас насторожиться?

Пожалуй, главным недостатком (к сожалению, встречающимся часто!) является неуважительное отношение к взрослым, в том числе даже к своим самым близким родным. Этому могут быть свои объяснения, но оправдания нет. Их юношеский задор порой переходит в высокомерие. И если во взрослом человеке всякое проявление высокомерия бывает чрез-

вычайно неприятно, то в юношах и девушках оно выглядит просто отвратительно. К отрицательным чертам отношу я и встречающуюся у многих из них ограниченность суждений. Не нравится мне и мелькающее в их среде щеголянье всезнайством. Но вот главное мое опасение: как бы эти молодые люди в своей запальчивости, в критике других не сделали хуже тех, кого они критикуют. Когда бродит молодое вино — прекрасно! Будет отличный напиток! Но молодые скоро взрослеют, и если начнет бродить старое вино, это значит, что оно испортилось, прокисло и его удел — поймака.

Я убежден, что молодежи третьего поколения так же свойственна верность нашим идеалам, как юношам и девушкам прежних лет. Быть может, им повезло: они не только участвуют в строительстве коммунистического общества, но и будут его полноправными и счастливыми гражданами. А мы, их предшественники, не завидуем: наше время по-своему интересно, и мы как будто не так уж плохо вы-

полнили свою часть работы. А если на долю нынешней молодежи выпадет (не дай бог!) какое-нибудь грозное испытание, то молодыми именами тоже будут названы улицы, площади тех новых городов, которые непременно поднимутся на земле.

В начале этой статьи я поставил себе вопрос: чего можно ожидать от нашей сегодняшней молодежи? Ожидать не просто так, в порядке мечты, а ожидать, видя эту молодежь, понимая ее.

Прежде всего — дальнейшего динамичного движения в развитии новых, коммунистических отношений, в укреплении нравственных начал человека, больших созидательных свершений в науке и труде на благо народа. Я верю, что она это сделает, ибо мне нравится наша сегодняшняя молодежь. Пожалуй, я даже влюблен в нее...

Начинается новый, 1963 год! И я уверен, что и в этом году молодые покажут себя с лучшей стороны. А делать нужно так много! И так интересно!

когда по улицам городка словно бы разлилось расплавленное солнце, на комбинате состоялся крупный разговор между начальником штаба «комсомольского прожектора» Махмудом Сиддиновым и начальником одной из бригад «прожектора» Анбаром Сиддиновым.

Разговор велся по телефону:

— В третьем тупике простанавляют пять вагонов. Грузчиков свободных — ни одного. Организуй разгрузку, Анбар. Нужно срочно.

— Не буду.

— Как так?

— А вот так. Не буду и все.

— Ты член штаба?

— Ну?

— Когда принимали решение, голосовал «за»?

— Ну?

— Почему же отказываешься выполнять собственное решение? — Я, между прочим, голосовал не за то, чтобы превратиться во внештатного грузчика. Эти вагоны у меня в печенках сидят: все время они простанавляют, и все время мы выручаем. Надоело, хватит.

— Но ведь штраф растет! Нужно выручать! Куда от этого денешься?

— Не уверен, что нужно. Начальник цеха привык, что мы всегда в резерве, пусть теперь сам за штраф ответит — хоть раз... Тут нужно что-то радикальное придумать, а не так, как сейчас, — налетом...

Да, так было: начальник рейдовой бригады отказался выполнить приказ штаба. Комбинат уплатил штраф за простой пяти вагонов. Анбара вызвали на бюро. Вместе с ним — всю бригаду «прожектористов».

И неожиданное обсуждение поступка Анбара вышло из обычных рамок. Вставали ребята, говорили о наиболее важном:

— Прав Анбар — так дело не пойдет...

— Превратились в придаток к отделу снабжения: только и знаем, что к подрядчикам ездим выколачивать то одно, то другое... Поднялся сам Анбар.

— Говорю от имени бригады. Уполномочен. Правда, ребята? Ребята кивнули.

— Виновыми себя немного признаем: сгоряча отказались, — продолжал Анбар. — Еще бы раз разгрузить можно, черт с ним. Ты, Махмуд, зря улыбаешься. Думаешь, совсем прав ты? Нет. Грузчиком работать не мудрено. Головой надо работать. Мы собрались, немного придумали. Покажи, Рашид...

Один из членов бригады положил на стол несколько листов ватмана.

— Автоматический разгрузчик, — сказал Анбар. — Сделать несложно. Из чего — тоже есть, мы узнавали...

В протоколе этого собрания было записано:

«Инициативу бригады Сиддинова одобрить. Ходатайствовать... (Зачеркнуто) ...Потребовать у администрации беспромеделительно изготовлении разгрузчиков и применения их. Контроль за внедрением возложить на А. Сиддинова...»

И если, оценивая работу Владимира Мирцева, в пятый или седьмой раз ликвидировавших одну прореху, Аркадий Суворов или его единомышленники могли еще отрицать качественное отличие «прожектора» от прежних рейдов и воспринимать, то нужно быть очень предвзятым спорщиком, чтобы отрицать новое

качество «прожектора» на примере этого рядового, но очень примечательного эпизода из жизни молодежи Кузбасского цементного комбината: ведь ребята здесь не просто «залатали» производственную «прореху», устранили прорыв, — они сделали так, чтобы подобных прорывов не было вовсе.

Я листаю сегодня старые свои блокноты, просматриваю подшивки молодежных газет — рапорты «прожектористов»:

«На участке сборки проведен рейд по технике безопасности...»

«Государственное — значит, наше!» — рейд московских автозаводцев по всем цехам, участкам и службам...»

«За гибкость производства!» — начинание молодежи «Трехгорки», взявшей под комсомольский контроль связь с покупателями тканей не только в Москве, но и по всей стране...»

«Свободной прожектор» должен осветить весь путь новой автомобильной шины от момента ее создания до гаража, — пишут молодые шинники столицы...»

Участок, цех, предприятие, цепочка «предприятие — торговая база — покупатель», затем уже несколько предприятий одной отрасли — вот темпы, которыми «комсомольский прожектор» выходил из узких рамок одного участка. Лучи его, выхватывающие отдельные, местные недостатки, становились все шире, все мощнее, все ярче.

Вскоре после окончания работы ноябрьского пленума Центрального Комитета КПСС я встретился в НИИпластмасс с энтузиастом «комсомольского прожектора» Борисом Федоровым.

— Мы хотим взять под контроль внедрение пластических масс в сельскохозяйственном машиностроении. Ведь сколько ценного металла можно освободить, заменив его легкими и дешевыми материалами, которые создаются в наших лабораториях! — рассказывал он.

Вдумайтесь в эти слова. Контроль за целой отраслью не только предприятий, но и институтов — научно-исследовательских, проектных, — вот о чем говорят сегодня в бригадах «комсомольского прожектора»!

Да, сегодня совершенно очевидно, что эта новая форма комсомольского контроля за очень короткий срок достигла того, к чему никак не могли прийти цеховые контрольные посты и заводские рейдовые бригады, — «комсомольский прожектор» стал организацией общесоюзного значения. И поэтому решение недавнего пленума ЦК ВЛКСМ о создании Всесоюзного штаба «комсомольского прожектора» явилось закономерным и своевременным.

Создание такого штаба — внутренне подготовленное мероприятие. Ведь за семь месяцев «прожектор» заметно преобразовался. Мне довелось видеть работу «КП» московских автозаводцев. Это уже крупная организация со своей четкой и гибкой структурой: с органами выявления, группами обработки сигналов, с рейдовыми бригадами, информационными и аналитическими центрами, — тесно связанная с другими общественными организациями советом молодых специалистов, общественными конструкторскими бюро. «КП»

смело привлекает их, когда необходимо решить вопросы большой инженерной трудности. По заказу «прожектора», например, ОКБ ремонтно-механического цеха сконструировало газососывающее устройство для одного из цехов завода. Это устройство получило одобрение на Московской конференции сварщиков и будет исползовано, по-видимому, на многих предприятиях столицы и страны.

Вспоминая свои встречи с ребятами и девушками из штабов и бригад «комсомольского прожектора», я невольно обратил внимание на то, что в их рядах все чаще можно встретить техника, научного сотрудника, инженера... Это, по-моему, весьма примечательное явление: в отрядах «прожектора» появляется все больше людей технически образованных. И не удивительно: решение сложных технических задач требует больших знаний. Но дело не только в образовании. Сегодняшних «прожектористов» роднит другое... И мне хочется рассказать еще об одной встрече — с молодым инженером Юрием Щукиным, начальником штаба «комсомольского прожектора» крупного металлургического предприятия на севере страны.

Мы шли по цехам и службам. Юрий рассказывал:

— Механизировали приготовление смесей... Навели порядок в плавилке. На рудном дворе — тоже, смотри! А ведь черт те что было: экскаватор перегибал — целая проблема...

Он рассказывал, а мне вспоминался февральский Ленинград в тяжелых туманах, низкие своды лаборатории, где готовились к защите диплома Юрий Щукин и двое его друзей — Леша Бошилов и Женя Дроздов. Еще на третьем курсе они начали работать в студенческом научно-техническом обществе над аппаратом для автоматической сварки под флюсом. Проблема была трудной, и ребята взяли за нее вначале, пожалуй, из чисто спортивного интереса — попробовать силы. Попробовали — увлеклись. Получилось. И тогда они решили сделать аппарат темой дипломной работы. Тему утвердили, и здесь произошло то, чего ребята меньше всего ожидали.

Однажды утром к их стенду в лаборатории подошел невысокий, средних лет мужчина, представился:

— Бабанов, кандидат наук, ваш официальный оппонент.

И начал странной разговор. — Да, — говорил он, — работу вы проделали большую, показали себя не по возрасту пытливыми исследователями, и остается только пожалеть, что столько трудов пропало даром...

Ребята насторожились. Постепенно выяснилось, что имел в виду кандидат наук Бабанов: в смежной лаборатории группой сотрудников велась разработка прибора того же назначения. В эту группу входил и сам Бабанов.

— Какая у вас производительность? — перебил его Юрий.

— Ну, говорить об этом пока еще рано...

— А у нас уже не рано. Так что же вы хотите?

Если освободить речи Бабанова от тумана недомолвок, ясным стало следующее: ребята должны снять тему диплома, заменить

ее другой. Времени достаточно, сделать шаблонный проект не составит труда. После защиты диплома они наверняка останутся в аспирантуре, даже смогут войти в группу из смежной лаборатории. Если же они не согласятся, очень жаль: ведь кто может усомниться в исходе дискуссии между тремя студентами и творческой группой из трех кандидатов наук и двух аспирантов?..

На кафедре давно уже не было такой шумной защиты диплома. Пришли друзья: они подбадривающе улыбаются. Пришли враги. Были и нейтральные — специалисты из научно-исследовательских институтов и предприятий. Им предстояло сегодня решить, за кем победа в этой неофициальной схватке: за тремя неоперившимися юнцами или за солидной творческой группой, в которой были два аспиранта и три кандидата наук со стажем...

Юрий сделал доклад. Затем выступили оппоненты. Их было двое. И было два мнения о работе:

— Зоркость опытных исследователей... Бесспорная практическая ценность... Заслуживает оценки «отлично».

— Легковесность теоретического обоснования... несостоятельность... антинаучность... Дипломная работа не может быть принята.

Дружным смехом встретила шумная аудитория столь разные мнения. Но тут же стихла: к делу приступили «нейтральные». Они уже не были нейтральными — начался разговор по большому инженерному счету. И даже несведущие поняли, за кем победа, еще до того, как седой инженер сказал, опускаясь на свое место:

— Наш институт готов включить эту отличную дипломную работу в текущий план.

Щукину представили заключительное слово. Юрий был бледен, ладяны ладяны — в меду, галстук сбился на сторону.

— Мы будем рады, — сказал он с хрипотцой, — если наша работа принесет не только пользу промышленности, но и поможет очистить науку от воинствующей бездарности...

Юрий Щукин и двое его друзей лезли в драку. И победили. Юрий Щукин и его друзья не сняли со своей научной работы моральной нагрузки. Эта нагрузка в том, что всякая новая мысль, всякое новое движение встречает на своем пути яростное сопротивление старого, косного! И важно не только добиться внедрения нового станка или новой технологии — не менее важно выбить опору, «доругаться» до победы с теми, кому шестивое новое оказалось не по нутру...

Юрий Щукин, Анбар Сиддинов, ткачиха с «Трехгорки» Гая Степанова, Борис Федоров, автозаводец Николай Гречуха... — всех их роднит нетерпимость к недостаткам, беспощадное отрицание компромиссов, высокое понимание своего гражданского долга — ответственности за все, что было до них, за все, что есть, за все, что будет впереди. И невольно думается: не в том ли все растущая сила и действенность отрядов большого комсомольского прожектора, что собрал он в свои ряды таких, как Юрий Щукин, — самых непримиримых, самых принципиальных, самых боевых ребят и девушек?..

РАКЕТОНОСЕЦ ВЫХОДИТ В МОРЕ

НА КОНКУРС
«С М Е Н Ы»

В. МИЛАНОВ,
инженер-капитан
второго ранга

Фото
В. ГАТЧИКОВА.

Раскаленный диск утреннего солнца медленно поднимается над водой. Легкий ветерок чуть морщит синеву моря. неподвижна стальная громада крейсера-ракетоносца. Корпус его протянулся на добрую четверть километра. Чтобы совершить путешествие по всем помещениям плавучего исполина, нужно затратить ни много, ни мало — неделю. Но, несмотря на большие размеры, корабль строг, подтянут, красив. Поразительна его бое-

вая мощь. Огромные хоботы орудий уходят в недра бронированных башен, похожих на гигантских черепах. А над пушками главного калибра, символизируя преимущество реактивной техники над артиллерией, возвышаются ракетные установки.

Тихо вокруг. Но вот по кораблю разносится сигнал горна и вслед за ним голос дежурного: «Команде аставать!» Не проходит и минуты, как на палубу отовсюду устремляются моряки. Начинается физзарядка. После упражнений

дышится легко, привольно. Теперь бегом к умывальникам...

У корабля тоже есть свой утренний туалет. Шипя, рассыпается жемчужными каплями сильная водяная струя. Это из шланга обдает палубу молодой матрос. А рядом дружно работают резиновыми швабрами другие. Дерево и металл кажутся отполированными.

— Большой сбор! Построиться на подъем военно-морского флага! — разносится по палубам и помещениям повая команда. Весь экипаж

Пристально следит за индикатором воздушной обстановки радиометрист. Все внимание и мысли сосредоточены на одном: не упустить цель!

Введены данные в счетно-решающие приборы. Еще несколько секунд, и оператор определит момент пуска ракеты...

корабля — матросы, старшины, офицеры — замирает в четких шеренгах.

— Флаг и гюйс подняты! Звенит рында, отбивая склянки, звонко поет горн. Все выше и выше торжественно поднимается овеянное славой бело-голубое полотнище флага — символ несокрушимой мощи советского Военно-Морского Флота... Начинается день боевой учебы.

Проходит немного времени, и крейсер выходит в море. Лохматые пенистые валы движутся навстречу кораблю. У форштевня вырастают фонтаны брызг. Соленные потоки лавиной проносятся по палубе. Но не страшен морякам шторм. В любую погоду слаженно и четко действуют все службы морского гиганта.

...Внезапно по кораблю разносится дробь колоколов громкого боя. Учебно-боевая тревога! Под сотнями ног гудят стальные листы палуб. Моряки устремляются на боевые посты. Проходят считанные минуты, и корабль готов к встрече «противника»: у орудий замерли артиллеристы, ждут команды ракетчики...

Нелегко обнаружить в безбрежном воздушном океане самолет «противника». Но вот на зеленоватом экране радиолокационной станции появилась светящаяся точка. И тут же радиометрист докладывает: «Цель слева 70, высота...»

Непрерывно меняется обстановка. «Противник» ста-

рается выйти из луча радиолокатора. Он резко маневрирует по направлению и высоте, изменяет скорость полета.

Все ближе и ближе подходит самолет к зоне действия ракетного оружия. С каждой минутой нарастает напряжение. Лица ракетчиков становятся суровее. Внимательнее смотрят глаза.

Ровный гул приборов, легкое потрескивание указателей, короткие вспышки разноцветных лампочек. Среди тишины рубки негромкие команды. Это операторы вводят исходные данные в электронный мозг ракетной установки. Всего несколько мгновений — и вычислены параметры движения цели, определена траектория полета ракеты.

А над палубой уже замерли нацеленные в небо реактивные снаряды. Их серебристые тела со стреловидным оперением тускло поблескивают на солнце. Звучит команда — и облако дыма окупывает стартовую площадку. От грохота и свиста словно ватой закладывает уши. Легко соскользнув с направляющих, ракета стремительно уносится ввысь, оставляя за собой огненный шлейф.

Томительно тянутся секунды. На экранах индикаторов быстро сближаются две зеленые точки. И вот отчетливо виден всплеск. Цель поражена. Самолет «противника», развалившись на части, падает в море... Поход продолжается.

Днем и ночью охраняют наш покой мозгучие морские корабли-ракетоносцы.

ослушай, а ты идешь в театр?

— Да, я иду в театр.

— Только подумать — я уже больше года не был в театре!

— А у вас в городе хороший театр?

— Да, у нас очень хороший театр.

Мы задаем друг другу одни и те же вопросы и отвечаем — мы разговариваем, словно иностранцы на уроке русского языка. Нам просто нравится произносить это слово — «театр».

Здесь, в далекой таежной деревушке, мы неделями не видим кинопередвижки, даже приезд волейбольной команды из соседней роты для нас целое событие — а тут вдруг театр!

Хотя, если говорить откровенно, это, наверно, даже не настоящий театр. Во всяком случае называется он как-то странно: не то «Ансамбль музыкальной комедии», не то «Гастрольное объединение артистов оперетты». Так написано на афише. Но в конце концов дело не в названии, название нас мало волнует. Важно, что будут настоящие артисты. Важно, что будет настоящий спектакль, говорят, даже с декорациями...

С тех пор, как наш комсорг Миша Годенко сходил в увольнение в соседний поселок и, вернувшись, принес с собой тоненькую синюю афишу, мы уже не можем говорить ни о чем другом.

Нам везет. Как раз неделю назад нашу роту сняли с боевого дежурства, теперь мы занимаемся профилактическим осмотром радиолокационных станций, и у нас нет никаких причин опасаться, что командир роты не отпустит нас в субботу вечером. Конечно, кому-то придется остаться, но пока каждый надеется, что выбор падет не на него. Во всяком случае наш командир роты отлично понимает, что значит для солдат этот спектакль. Да он и сам любитель искусства, участвует во всех концертах самодеятельности. Особенно ему нравится читать сатирические стихи на международные темы. И когда он начинает свое любимое:

На перекрестке двух дорог
с догом встретился бульдог... —

и при этом смешно рычит и слегка даже подпрыгивает, мы все заранее покатываемся с хохота. Мы даже забываем, что перед нами наш начальник, так у него здорово получается.

К походу в театр мы готовимся задолго и готовимся тщательно. У каждого появляются свои заботы.

Комсорг Миша Годенко составляет список желающих и собирает деньги.

Сержанты глядят свои парадные мундиры. Борис Сергеев, электромеханик, на днях умудрился вымазать в солидоле свою выходную гимнастерку и теперь старательно отчищает пятно бензином.

Два Саша — Саша Петухов и Саша Винокуров — вертятся возле старшины. Оба они новички, в нашу роту приехали совсем недавно и опасаются, что старшина именно их назначит в наряд в субботу. Пожалуй, это было бы справедливо: ведь еще нет месяца, как они прибыли из полковой школы, из города. Но мы знаем, что волнуются они напрасно. У нашего старшины беспокойный характер, и он никогда не решится оставить казарму на новичков.

— «Марица»... «Марица» — ценная оперетта, — говорит Борис Сергеев. Он убедился, что пятно с гимнастерки постепенно сходит, и обычная словоохотливость сразу возвращается к нему. — В нашем городе ее тоже всегда ставили. Дурак я, не сходил...

— Это почему же дурак? — возражает рассудительный Вася Грибов. — Тебе теперь было бы неинтересно...

— Ну да, неинтересно! Интересно! Если мне фильм или постановка какая понравится, я всегда два раза хожу. А то и три...

— А в нашем театре перед началом всегда танцы устраивали, — мечтательно говорит Саша Петухов.

Разговор становится общим, и мы снова принимаемся обсуждать спектакли, которые нам приходилось когда-либо видеть, говорим о любимых артистах, спорим...

До армии никто из нас наверняка не был

НА КОНКУРС «С М Е Н Ы»

МЫ ИДЕМ В ТЕАТР

Б. НИКОЛЬСКИЙ

РАССКАЗ

особым почитателем театрального искусства, мы довольно равнодушно проходили мимо театральных афиш и уж, конечно, новый кинофильм без колебаний предпочитали новой пьесе. Но, может быть, именно потому, что в театре мы бывали редко, что в театр нельзя было заскочить между делом, как в какую-нибудь «Молнию» или «Победу», у каждого из нас с театром связано ощущение праздничности.

И если бы по ночам на этой неделе нам снились сны, мы наверняка увидели бы себя по меньшей мере в Большом театре... Но солдатам не снятся сны. Солдаты спят крепко.

Вечером в пятницу Миша Годенко раздает нам билеты, и мы бережно прячем в карманы гимнастерок узкие розовые, почти прозрачные полоски бумаги.

А в субботу с утра начинает моросить дождь. Мы занимаемся самыми будничными делами: кто протирает блоки на локаторах, кто подметает казарму, кто копает картошку, но ощущение приподнятости, праздничности по-прежнему не покидает нас.

Наконец наступает вечер. Сержанты наглухо застегиваются в свои темно-зеленые мундиры, мы надеваем отглаженные гимнастерки, потуже затягиваем ремни и стараемся не смотреть на дневальных...

Но Борис Сергеев — старшина назначил его дежурным по роте — сам подходит к нам и стоит и смотрит, как мы чистим сапоги.

— Подумаешь! — говорит он, и самые настоящие слезы слышатся в его голосе. — Подумаешь, артисты! Да я на таких и даром не пойду. Я, может, в Большом пять раз уже был...

Мы знаем, что это неправда: Борис и в Москве-то ни разу не был. Но мы не спорим.

Мы строимся под дождем, ежимся, подталкиваем друг друга и острим:

— Сейчас бы марш-бросочек... Живо бы согрелись!

До поселка шесть километров. Жидкая грязь хлюпает под ногами. Намокают и тяжелеют шинели. И волосы, и лица, и руки — все мокрое. Но мы не обращаем внимания на дождь и грязь, жаль только, что сапоги уже не будут блестеть так ослепительно...

В клуб мы приходим минут за двадцать до начала. Но в узком длинном зале уже много народу. Мы занимаем свои места и ждем.

Занавес слабо колышется. Слышно, как по сцене перетаскивают декорации. Доносятся звуки музыки. Это оркестранты настраивают свои инструменты.

Свет гаснет, запоздавшие зрители торопливо пробираются по рядам. Все как в настоящем театре.

Играет музыка.
Открывается занавес.

Первое действие подходит к середине. Мы увлечены, мы смотрим только на сцену и не

замечаем, как сзади, в последних рядах, начинается какое-то движение, поскрипывают половицы.

Потом голос нашего старшины негромко произносит:

— Шестая рота, на выход!

Мы замираем и прижимаемся к стульям. Если бы мы ошиблись! Если бы это только показалось!

На сцене по-прежнему поет артистка и протягивает к залу руки в черных кружевных перчатках.

— Шестая! На выход!

Нет, не ошиблись. Не показалось.

Мы встаем, хлопая стульями, стуча сапогами.

На нас шикают.

— Молодежь, нельзя ли потише?

— Солдатня! Деревня! — громким шопотом говорит какая-то девица. Можно подумать, что она приехала из Рио-де-Жанейро.

Пригнувшись, оглядываясь на сцену, мы пробираемся к дверям.

Старшина уже ждет нас у выхода.

— Тревога, — говорит он. — Звонили из роты.

На улице по-прежнему идет дождь. И мы бежим под дождем. Только теперь уже не жалею сапог, уже не боюсь выпачкать их в грязи...

Радиолокаторы уже включены. Тарахтят дизели в передвижных электростанциях, вращаются в темноте антенны.

Операторы торопливо забираются в машины, занимают места перед светящимися

экранами. У наших новичков, у Петухова и Винокурова, лица напряженные и немного торжественные. Они уверены, что сейчас, немедленно произойдет что-то важное.

Но экраны чисты. Только неровные пятна облаков кое-где белеют на них.

Тревога... Может быть, где-нибудь возле Сахалина чужой самолет пересек границу, может быть, наш советский летчик сбился с курса, а может быть, это просто проверка боевой готовности... Мы не знаем и, возможно, никогда не узнаем, что же произошло в эту ночь...

Антенны вращаются, невидимые лучи упорно шарят в темноте, а мы пристально всматриваемся в светящиеся чистые экраны и ждем.

Надо уметь ждать, такая уж наша работа...

БАРАБАН

РАССКАЗ

Однажды меня вызвал старшина и спрашивает:

— В город хотите поехать?

Смешно задавать такие вопросы человеку, который уже полгода не видел ничего, кроме тайги да казармы, казармы да тайги. Я растерялся и ничего не ответил.

Но старшина и не ждал моего ответа.

— Так вот, — сказал он, — поедете завтра, повезете барабан в мастерскую. Ремонтировать.

На другой день рано утром я отправился в муззавод и взял барабан. Барабан был очень большой. Он доставал мне как раз до

локтя. Я никогда не видел такого большого барабана. Когда оркестр выходил на развод, этот барабан издали казался значительно меньше.

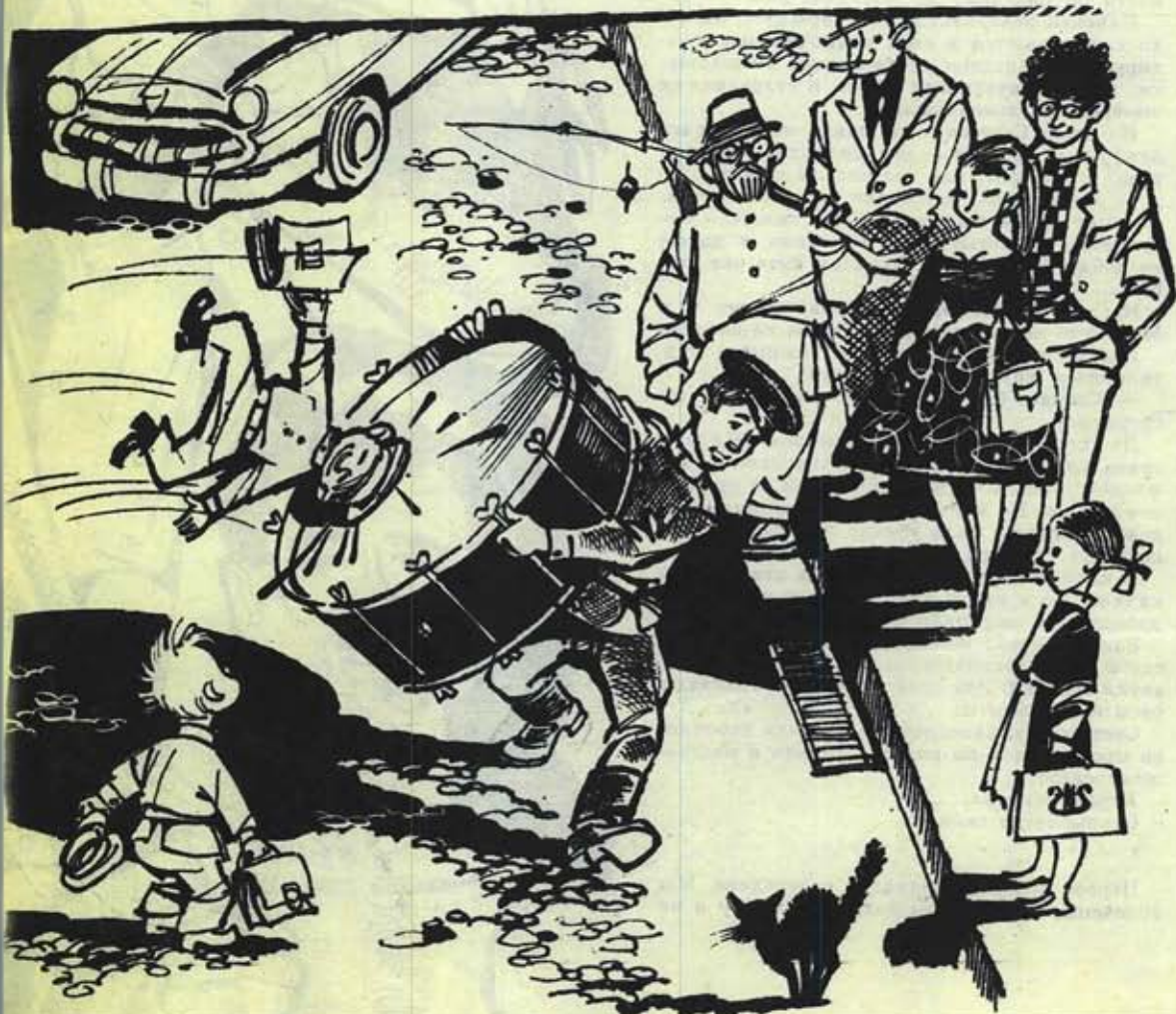
В вагоне я хотел засунуть его под полку, но барабан не влез, и пришлось поставить его в проходе между полками.

— Вот это барабан! — сразу сказал толстый мужчина напротив меня и пощелкал по серой, туго натянутой коже; барабан издал глухой, негромкий звук.

— Витя! Посмотри, какой барабан! — сказала женщина из соседнего купе.

— Да, барабан! — сказал Витя и ткнул пальцем.

Рисунки Г. Новожилова.

— Ого! Барабан! — сказали мальчишки, проходя мимо. — Можно потрогать?

— Ватюшки, ну и барабан! — сказала старушка и осторожно похлопала по нему ладошкой.

И все, кто проходил мимо, кто садился в наш вагон, все говорили:

— Ну и барабан!

И все стучали по нему: кто пальцем, кто кулаком, а кто и ногой.

Можно было подумать, что они никогда раньше не видели настоящего барабана.

Наконец поезд пришел в город. Я встал и выкатил барабан из вагона.

Уже на перроне я убедился, что все люди одинаковы.

На улице прохожие говорили:

— Барабан! Посмотрите, какой барабан!

А мальчишки бежали за мной и кричали:

— Барабан! Барабан!

И старались щелкнуть по нему пальцами. Но я не очень обращал на них внимание.

Я шел и читал вывески:

КИНОТЕАТР «ПОБЕДА»

СТОЛОВАЯ № 15

КИНОТЕАТР «РОДИНА»

Я ведь уже полгода не читал вывесок. А кроме того, я думал, что вот сейчас сдам барабан в мастерскую и пойду сначала в столовую, а потом в кино или сначала в кино, а потом в столовую.

Мастерская была очень далеко. Я шел до нее целый час. А мастерская оказалась закрыта на ремонт. Ее окна были вымазаны мелом и разрисованы глупыми рожицами.

Я поставил барабан на тротуар и стал думать, что делать. Только я ничего не придумал и потащился с барабаном назад — на вокзал.

И опять останавливались прохожие. И опять за мной бежали мальчишки. Но теперь я уже не читал вывесок. Потому что нечего было и думать с таким барабаном попасть ни в кинотеатр «Победа», ни в кинотеатр «Родина», ни даже в столовую № 15.

На одном углу я остановился и купил пирожков. И пока я ел пирожки, мальчишки носились вокруг барабана и били по нему ладонями и кулаками, а один даже стукнул лбом. И барабан гудел, как вечеровой колокол.

Я съел пирожки и пошел дальше. Возле самого вокзала меня остановил патруль. Лейтенант с красной повязкой позвал меня к себе.

— Почему не приветствуете? — спросил он.

— Вот... барабан, — сказал я.

— Вижу, что барабан, — сказал он, — на гауптвахту захотелось?

Я пожал плечами. В конце концов мне теперь было все равно.

Лейтенант долго изучал мою солдатскую книжку.

— Ладно, — сказал он. — Ради первого раза прощаю. Ясно?

— Так точно, — сказал я.

— Ну то-то. — Лейтенант чуть наклонился и похлопал ладонью по серой барабанной коже. — Ну и барабан! — сказал он.

Я отдал честь, взял барабан в левую руку и пошел на вокзал.

Я не знаю ни вашего имени, ни фамилии, не представляю, какого вы роста, какого цвета у вас глаза, сколько вам лет: ведь мы с вами ни разу не встречались. И тем не менее я знаю о вас то, что не всегда знаешь о знакомом человеке, — мне известны ваши мысли, ваши взгляды на жизнь, ваше отношение к работе, которой вы занимаетесь, к людям, вас окружающим.

Передо мной лежит ваше письмо в редакцию «Смены» с девственно чистым пробелом на конверте там, где обычно указывается адрес отправителя, и «храбрый» припиской на последнем листке: «...Я не подписываюсь под письмом: скажу откровенно, не хочу иметь неприязни к работе, которой вы занимаетесь, к людям, вас окружающим. Все равно напечатано оно, наверное, не будет, а поспорить кое с кем мне очень хотелось бы. Девиз — «Флибустьер».

г. Комсомольск-на-Амуре».

Да, вы правы: анонимки обычно печатать не принято. Как правило, на них даже не отвечают: во-первых, потому, что не известно, кому отвечать, а во-вторых, потому, что авторами таких безвестных посланий чаще всего являются люди недостойные, с заячьей душой, а иногда просто подлецы, стремящиеся безнаказанно обогатить кого-нибудь, бросить тень на хорошего, честного человека, но так, чтобы самому непременно остаться в стороне. С подобными людьми, откровенно говоря, не хочется иметь никакого дела.

И если на этот раз мы все-таки решили ответить вам через журнал, то вовсе не оттого, что вы, Флибустьер (за незнанием настоящего имени придется так к вам обращаться), чем-то выделяетесь среди трусливого племени анонимщиков. Нет, вы как раз весьма типичный представитель зайцев. И если бы дело заключалось только в вас и в вашем отношении к явлениям жизни, то вряд ли мы стали бы вступать с вами в спор. Хотите смотреть на мир только через черные очки — будьте любезны: миру от этого не холодно и не жарко. Но я подумал о тех людях, которые живут и работают бок о бок с вами и которым вы потихоньку подсовываете такие же темные стекла. А все ли разберутся, особенно молодые, недавно вступившие в жизнь: из каких побуждений вы так поступаете?

Когда я читал ваше письмо, то невольно припомнил один эпизод, свидетелем которого был во времена строительства Куйбышевской гидроэлектростанции.

Вечером, после смены, я зашел в молодежное общежитие Правобережного района. Ребята сидели на траве под окнами барака-временки и спорили: «Для чего живут на свете люди?» Спор был столь жаркий, что того и гляди перейдет в рукопашную. И вот тогда мастер Петр Шилкин, молча сидевший поначалу в стороне, зло плюнул на папиросу и гаркнул: «Ша, сосунки! Что вы кричите о жизни, когда только-только от мамкиной юбки оторвались? Вы ее, эту жизнь, где видели? Здесь только? А я вот и на Сахалине был, и в пустыне жарился, и где только меня черт не носил. Так вот вам мое мнение: человек живет для удовольствий, а за каждое удовольствие плати денежку. Я вот и сюда приехал только потому, что здесь заработки хорошие. Значит, пожить можно. Как говорят, с шиком. Ясно теперь?»

Ребята Шилкина уважали: человек опытный, пожилой, в работе за ним не угонишься. И его «убийственные аргументы» кое на кого из спорщиков действовали, как ушат холодной воды. Один из них, недавний выпускник ремесленного училища, сказал после некоторого раздумья: «А Шилкин-то, наверное, прав... Мы больше по книгам жизнь изучали, а он на своем горбу...»

Я вспомнил об этом эпизоде, когда прочел в вашем письме такие строки: «Мне порядком надоело слушать трескучие слова о бригадах коммунистического труда, о романтике будней и т. д. Люди работают, потому что за это деньги платят, вот и все. Мне приходилось ковырять ломом мерзлоту у Игарки и ловить рыбу на Камчатке. И я знаю, как пахнет настоящая романтика. Просто за деньги, на которые мы покупаем удовольствие, надо расплачиваться здоровьем и частью жизнью. Просто и ясно».

Как видите, взгляды у вас весьма схожие, хотя вы, Флибустьер, очевидно, и помоложе Шилкина (ему было уже тогда, в 1955 году, под пятьдесят) и образованнее его: в письме вы сообщили, что окончили десятилетку и сейчас продолжаете учиться. А это значит, что вы для окружающих можете быть опаснее малограмотного Шилкина, так как молодые лю-

ди скорее могут поверить в вашу «философию»: образованным людям у нас привыкли верить.

Вот в интересах тех, кто вас окружает и слушает ваши разглагольствования, а может быть, уже и бездумно повторяет ваши суждения, мы и решили ответить на это письмо. Пусть они узнают ваше настоящее лицо, пусть поймут, что сознательное очернение поступков, стремлений, мыслей человеческого нужно вам главным образом для того, чтобы оправдать собственные неприглядные взгляды и дела.

Итак, начну по порядку.

Вы, Флибустьер, считаете, что люди работают только из-за денег. В качестве примера ссылаетесь на то, что вам довелось повидать на Камчатке, в Игарке. Да и в настоящее время в Комсомольске вы занимаетесь очень вредной и опасной работой, но не потому, что это нужно, что вас «сагитировали», а потому, что за нее хорошо платят.

Действительно, на современном этапе развития нашего общества деньги являются мерилом труда: за более сложную, более квалифицированную и даже за более опасную работу государство выплачивает денег больше, чем за выполнение простых, несложных обязанностей. К тому же, люди, выполняющие совершенно одинаковые операции, часто зарабатывают по-разному: лучше, быстрее, качественнее трудишься — больше денег получаешь.

Но когда вы начинаете утверждать, что все люди работают только из-за денег, то здесь вы абсолютно не правы. Я мог бы привести тысячи примеров, опровергающих ваше утверждение, но остановлюсь лишь на нескольких.

Как-то воскресным летним утром на речной пристани города Балаково в ожидании катера стояла группа парней и девчат. Празднично одетые, они весело пели под баян и гитару, предвкушая хороший отдых на пляже. Но тут к ним подбежала девушка и сообщила, что пришла баржа с кирпичом, а у грузчиков выходной. «Понимаете, третий день ждем эту проклятую баржу, работа остановилась...» — жалобно говорила она, умоляюще поглядывая на нахмурившихся ребят. Те постояли, подумали, а потом всей компанией пошли за девушкой. Сложили в кучку сумки с провизией, баян, гитару, праздничные пиджаки долой — и бегом на бар-

**З А Я Ц
В ЧЕРНЫХ
ОЧКАХ**

**ТОЛЬКО ЛИ
ИЗ-ЗА ДЕНЕГ
РАБОТАЕТ
ЧЕЛОВЕК?**

*О НАСТОЯЩЕЙ
РОМАНТИКЕ
И ЛИЧНОМ
БЛАГОПОЛУЧИИ*

**ДАВАЙТЕ
ПОСПОРИМ
В ОТКРЫТУЮ!**

Станислав ЕГОРОВ

**ОТВЕТ
„ФЛИБУСТЬЕРУ“**

жу. Целый день, до глубокой ночи, работали, пока весь кирпич не перетаскали на берег. Я спросил потом ребят:

— А вам эту разгрузку оплатят?

И услышал в ответ:

— Не знаем. Скорее всего нет: мы ведь не грузчики... Но разве это главное? Хорошо, что работа не остановилась. А загорели мы не хуже, чем на пляже...

В Ангарске, на ремонтно-механическом заводе, в цехе коммунистического труда, мне с гордостью показывали узкоколейку, построенную комсомольцами по собственной инициативе, чтобы облегчить труд подсобных рабочих, перевозивших тяжелые детали.

— Я заранее предупредил ребят, — рассказывал начальник цеха, — что денег для оплаты этой работы нет и не предвидится: в плане такой стройки нет. Но они попросили лишь достать необходимые материалы и работали после смены по вечерам, по воскресеньям... Разве, говорят, трудно постараться для своих же товарищей, для своего цеха...

Недавно всю страну облетела весть о героическом поступке молодых целлинников Владимира Котешкова и Николая Грибова из совхоза «Щербаковский», Карагандинской области. Ценой своих жизней они спасли совхозный хлеб от пожара, сберегли Родине десятки тысяч тонн зерна, выращенного ими и их товарищами.

Я смотрю на фотографии Володи Котешкова и Коли Грибова, на их открытые, мужественные лица и думаю: «А как бы на их месте повели себя вы, Флибустьер?»

Я вспоминаю балаковских строителей и комсомольцев из Ангарска: «Могли бы вы поступить так же, как они?»

Нет, Флибустьер, вас не могло быть в их рядах.

Ваше мировоззрение не позволило бы вам присоединиться к людям, которые вместо отдыха вдруг решили поработать, да к тому же, как говорится, «за здорово живешь». У вас, по-моему, единственный стимул к труду: «Деньги на бочку!» Иной агитацией, кроме как бумажной assignацией, вас с места не сдвинешь. Будут рубли — можно и кирпич разгружать и дорогу по воскресеньям строить. Удвойте сумму — можно и жизнью рискнуть. И тут я нисколько не преувеличиваю: вы ведь сами признаетесь, что занимаетесь «очень вредной и опасной работой потому, что хорошо платят».

Я думаю, что из совхоза, где вы работали после десятилетки, вы отправились в Игарку вовсе не в поисках настоящей романтики, которую, как сообщаете в письме, якобы любите. По моему убеждению, это лишь красивые слова. Вас привлек туда запах иной романтики, романтики длинного рубля. Где бы ни работать, лишь бы побольше заработать, — вот ваш девиз, поэтому и мотает вас по стране. На Камчатке больше платят, чем в Игарке, — даешь Камчатку. В Комсомольске опасная работа, но заработок выше — бежите в кассу: «Один билет до Комсомольска!»

Нет, Флибустьер, не знаете вы, что такое настоящая романтика, хоть и побывали в романтических местах, влекущих юных искателей. Романтика не только и не столько в дальних поездках, в стремлении к экзотическим местам. Можно прожить всю жизнь в одном месте и быть подлинным романтиком, а можно исколесить полмира и остаться просто-напросто перелетной птичкой. Константин Эдуардович Циолковский, например, безвыездно жил в провинциальной Калуге, был скромным школьным учителем и одновременно подлинным романтиком, Романтиком с большой буквы.

Быть настоящим романтиком — это значит быть творцом, создателем, стремиться сделать полезное, нужное для людей, для общества. И такой романтический полет души нередко идет вразрез с заботами о личном благополучии.

Я знаю профессора, который в течение многих лет всю свою зарплату тратил на покупку деталей к задуманному им аппарату. Над ним подтрунивали сослуживцы, от него ушла жена, не понимавшая, что ему надо, а он продолжал работать над своим изобретением. И вот недавно он пригласил меня к себе и сказал:

— Вот посмотри, я, кажется, добился своего...

Надо было видеть, какое в этот момент у него было лицо! Описать его выражение очень сложно...

Но вам, Флибустьер, всего этого не понять. Вы, как и сослуживцы моего знакомого, возможно, скажете: «Чудак. Профессор, а имеет один костюм; живет в Москве, а никаких столичных удовольствий не отведал». Что ж, рожденный ползат летать не может. В вас самом, Флибустьер, нет ни капли жажды творчества,

нет стремления осуществить, казалось бы, невозможное. А поэтому, в глубине души завидуя тем, кто не похож на вас, кто намного выше вас, вы стараетесь поставить под сомнение само их существование или сознательно принизить их успехи. В общем, действуете по принципу: «Сам не могу, а потому и другим не верю!»

Особую вашу неприязнь вызывают бригады коммунистического труда. Почему? Да потому, что в этих коллективах возникают новые взаимоотношения между людьми, проявляются такие черты характера, которые вам неизвестны. И тогда-то вы хватаетесь за ведро с дегтем, стараетесь все, что выше вашего понимания, назвать «трескучей пропагандой, которую надоело слушать».

«Я знал здесь одну «бригаду коммунистического труда», — пишете вы. — Что и говорить — начальство самую выгодную (!) работу отдает только им. Что же касается дружбы и взаимовыручки, так это проявлялось в том, что они очень нагло и дружно лезут без очереди в столовую. Вот и все. Я как-то слышал, как мастер распекал парнишку-слесаря: «Ты работай не по-коммунистически, а как следует». Вот какая слава у этих бригад».

Допускаю, что вы и в самом деле слышали однажды подобное высказывание мастера. Очень возможно, что вы действительно знаете одну бригаду коммунистического труда, которая не оправдывает своего высокого звания. Я вам, между прочим, мог бы привести пример и похлестче. Но разве можно по одному-двум отрицательным фактам делать далеко идущие выводы о всем движении вообще?

К нам в редакцию поступает немало писем, авторы которых сообщают о различных недостатках и упущениях в работе коммунистических бригад. Однако в отличие от вас, Флибустьер, они делают это совершенно в иных целях: они хотят вместе, сообща убрать с дороги камни, мешающие движению. Вы же, заметив один-единственный камень на асфальте, не сбросите пиджак и не попытаете его сдвинуть. Для вас это лишь повод для брюзжания: «А еще говорят, что это благоустроенное шоссе! Выдумки. Тут сплошные каменные завалы!»

Знаете, Флибустьер, все зависит от точки зрения: можно за деревьями разглядеть лес, а можно и не захотеть его рассматривать. И вот вы, по-моему, сознательно (именно сознательно!) не желаете его замечать, ибо такой взгляд вас вполне устраивает. Логика у вас простая: я сам видел однажды плохое, значит, и в других случаях подобное возможно. А отсюда следует немедленное обобщение: «Дружбы нет! Взаимовыручки нет! Есть только выгода!» Если же в печати и сообщают о хорошем, новом, интересном в жизни коллективов коммунистического труда, то не потому, что это есть на самом деле, а потому лишь, что так нужно «для пропаганды». К такому итогу приводят ваши рассуждения. Тут я не могу не напомнить вам, что очень многие достижения нашего народа на Западе объявляли пропагандой. Не кажется ли вам, Флибустьер, что вы поете с чужого голоса? И, по-моему, отнюдь не случайно

высказанное в вашем письме сожаление относительно того, что вам не удается регулярно знакомиться с американскими периодическими изданиями...

Нет, повторяю, не могли бы быть в одном строю с балаковскими строителями и ангарскими комсомольцами. Не той вы заправки, Флибустьер!

Судя по вашему письму, вы вообще не способны ни на какие благородные поступки и высокие помыслы, то есть на все то, что не связано с немедленным получением материальных выгод. Вы даже свою знакомую девушку не можете защитить, опасаясь получить 15 суток.

Что, разве я не прав? Вспомните тогда ту часть своего письма, где вы описываете вечеринку у себя дома и появление дружинников, призывавших вас к порядку. Вы заявляете, что дружинники якобы оскорбили ваших подруг, но... «Мы здоровые парни, — сообщаете вы, — и в два счета вышвырнули бы нахалов (так именует автор дружинников. — С. Е.), но никому не охота получить 15 суток, а то и больше. Мы только извинились перед подружками в том, что ничем не можем им помочь».

По-моему, приведенный отрывок добавляет весьма значительную деталь к вашему портрету. Вы считаете, что дружинники были не правы, но поспорить с ними в открытую не решается: трусите, боитесь, как бы не потерять в итоге тепленького местечка с хорошей зарплатой. С ненавистью мечете вы из-за угла громы и молнии на головы дружинников, помешавших вам повеселиться «в свое удовольствие». («Какое их дело? Почему они заботятся о нашей нравственности?») Но я убежден, вы одновременно завидуете им, потому что они не похожи на вас, потому что они неизмеримо выше и лучше вас, несмотря на вашу образованность. Между прочим, дружинники бесплатно взяли на себя обязанность оберегать общество от шумных развлечений вашей компании. А это еще больше злит вас, Флибустьер: вам было бы куда легче существовать, зная, что для окружающих вас людей нет выше цели, как личная выгода, главным принципом жизни является «лишь бы подзаработать».

К счастью, это совершенно не так.

Жизнь нашей страны ежечасно, ежеминутно опровергает ваши взгляды, ваши мысли, всю вашу, с позволения сказать, «философию». Само рождение Комсомольска-на-Амуре, где вы по недоразумению прописаны, — лучшее тому доказательство. И если бы вы сейчас даже на мгновение сняли с глаз свои черные очки и честно взглянули на нынешнюю жизнь замечательного города комсомольского подвига, вы бы наверняка убедились, что не так много камней на пути и не такие уж они большие, как вам кажется.

Таково мое мнение по поводу вашего письма, Флибустьер (кстати, псевдоним себе вы выбрали абсолютно неподходящий: смелости и мужества, которыми славились когда-то флибустьеры, в вас даже на полкопейки нет!).

И я надеюсь, скоро вы услышите мнение наших читателей. А если надумаете продолжать спор, бросьте играть в прятки. Давайте спорить в открытую!

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

в разделе «Трибуна «Смены»

читайте статью

«ТАЛАНТ БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ»

СЛЕДОМ ШАГАЕТ ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ

Утром его разбудил какой-то непонятный грохот. Дрожала земля, словно по ней несся табун... Еще вчера заброшенное поле оглашалось лишь посвистом птиц да писком полевых мышей. Место казалось вполне надежным: было далеко от дороги и еще дальше от окраинных домов. Никто не мог сюда забрести...

Фото
В. ТЮККЕЛЯ.

Год 1962-й... Для моих молодых соотечественников он был знаменательным. Многие из них впервые громко заявили о своем желании активно участвовать в жизни страны, в решении судеб своего поколения. Американская молодежь уже не хочет больше оставаться в стороне от общественной жизни. Даже буржуазная печать расценила сдвиг в ее сознании как конец «молчаливого поколения».

Правда, и сейчас еще можно услышать, как молодежь обвиняют в инертности, глубоком нравственном и физическом падении. К сожалению, эти горькие обвинения имеют под собой некоторую почву, однако сегодня юные американцы все решительней отвергают попытки продажной пропаганды затуманить умы, увести в сторону от проблем сегодняшнего дня.

Тлетворное влияние нигилизма, морального опустошения, неверия в идеалы, которыми заражает буржуазное общество молодых, все чаще вызывает резкую реакцию протеста.

Не хочу быть голословным. Приведу несколько примеров. Не так давно в Чикаго на одной из конференций молодежь заявила о своем единодушном намерении создать «новую организацию американской молодежи с целью раз-

К О Н Е Ц «МОЛЧАЛИВОГО ПОКОЛЕНИЯ»

Генри УИНСТОН,
руководящий деятель
Коммунистической партии США

вития демократических институтов и социалистических традиций и осуществления чаяний американцев». Конференция приняла специальный «билль». В нем были провозглашены права молодежи самой определять свое будущее, свободно обмениваться идеями и знаниями с молодежью других стран.

Да, «молчаливое поколение» ищет, настойчиво ищет новые пути. Это особенно сказилось, когда

американская реакция начала широкую маккартистскую кампанию лжи, клеветы и полицейского террора против Коммунистической партии США. В 1962 году генеральный секретарь коммунистической партии Гэс Холл получил невероятное количество приглашений от крупнейших университетов и колледжей с единственной просьбой — рассказать о том, за что борются, какие идеалы отстаивают коммунисты, чего они хотят.

Сегодня молодежь не только ставит под сомнение догмы «американского образа жизни», но и активно выступает против них. Когда мимо Белого дома шли демонстранты, требовавшие прекратить антикубинские провокации, в их первых рядах были представители молодого поколения. А разве не к этому же поколению принадлежит мой славный земляк из штата Миссисипи Джеймс Меридит, чья мужественная борьба за право поступления в университет имеет большое значение не только для этого штата, но и для всей Америки?!

Конечно, путь американской молодежи к политическому и нравственному прозрению нелегок. Реакционеры всех мастей пытаются збить в ее голову лозунги вроде «Лучше быть мертвым, чем красным». Но молодежь с ее беспокойным стремлением к новому сегодня не так-то легко сбить с правильного пути. Успехи Советского Союза показали ей всю призрачность могущества капитализма, всеверие в неизбежность которого ей прививали с детства. Американская молодежь учится самостоятельно думать, говорить, действовать. И мы, люди старшего поколения, верим, что она добьется своих целей.

Время «молчаливого поколения» прошло.

И вдруг... Что бы это могло означать?

Он разгреб сухие листья и обомлел. Прямо на него двинулось гигантское, оглушительно рычащее чудовище...

Панический страх заставил его со всех ног пуститься наутек. Но далеко уйти не удалось. Чья-то сильная рука схватила его, подняла, и он увидел улыбающееся лицо человека...

Мы не знаем, что дальше произошло с маленьким ежиком. Об этом мог бы рассказать машинист экскаватора, что вспугнул беглеца, или молодой дорожник, поймавший коренного жителя огромного пустыря, еще не так давно простирившегося за крайними домами Ленинского проспекта. В мае прошлого года первыми пришли сюда экскаваторщики, бульдозеристы, каменщики. Пришли делать «нули». На языке строителей это означает закладывать фундаменты, создавать инженерные коммуникации, дороги... Юго-Запад столицы продолжал наступление. Начинал сооружаться очередной — тридцать седьмой жилой квартал.

Ко многому новому, неожиданному в строительстве привыкли мы за последние годы. Рождаются интересные, смелые проекты, сооружаются жилые корпуса, кинотеатры, гостиницы, радующие нас современностью своих

форм, поражающие обилием стекла, металла. Все реже встречаются на лесах каменщики. Все чаще в их роли выступают монтажники.

Но до последнего времени мы еще ни разу не слышали, чтобы дома вырастали в день по этажу. И вот то, что это не фантастика, что это под силу людям, теперь доказано на практике. И сделали это строители тридцать седьмого квартала. Дома здесь возводились невиданными еще темпами, казалось, что они сходят с конвейера...

На строительные площадки поступали стены с пригнанными в заводских условиях дверями, остекленными окнами, оштукатуренные потолочные перекрытия, готовые санузелы. Монтаж велся прямо с транспортных средств по часовому графику. Срок для каждого дома — восемнадцать дней. Одновременно делали свое дело сантехники, электрики. Следом шли отделочники. Квартал застраивался поточным методом...

Девять месяцев назад, в мае, здесь не было ничего. В августе, побывав на стройке, мы увидели выросшие словно из-под земли корпуса десятка домов. В декабре их стало тридцать шесть. В двадцати на окнах висели занавески. Сейчас, когда вы читаете эти строки, к подъездам остальных домов

подходят грузовые такси. Люди сгружают и вносят в квартиры мебель. Где-то уже звучат песни: жильцы справляют новоселье. Барахтается в снегу детвора. Спешат по своим делам прохожие. На автобусных остановках выстраиваются очереди... Тридцать седьмой квартал становится обыкновенным жилым кварталом Ленинского проспекта...

Может, где-то тут, за одним из этих ярко освещенных окон, бегают по полу и наш ежик? Вряд ли пожелает расстаться с ежиком тот вихрастый мальчишка, которому отдали его строители...

А где сами они теперь?..

В тихом тридцать седьмом квартале отчетливо слышен отдаленный гул экскаваторов, бульдозеров, мощных грузовиков. Бригады второго монтажного управления домостроительного комбината № 1 Главмосстроя давно перешли на новое место. Где-то там, в поле, за уже обжитыми корпусами, работают монтажники Геннадия Масленникова, Владимира Капустина, Василия Калинина... Растет новый — тридцать восьмой — квартал. Пройдет не так уж много месяцев, и он тоже наполнится голосами новоселов, шумом оживленной улицы. И тоже станет обыкновенным...

«Быстро же мы управились. В мае «нули» делали, а сейчас в домах занавески на окнах», — скажет бульдозерист Саша Зайцев, вспомнив этот веселый перекур.

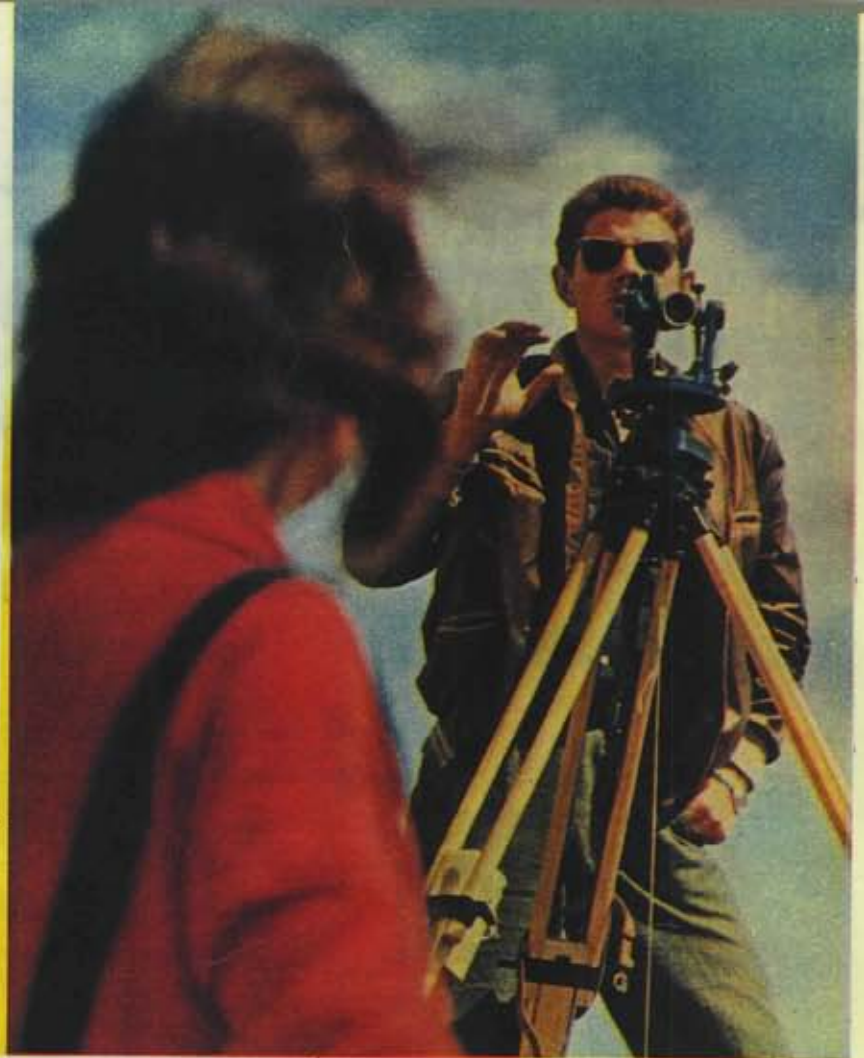
Краны, котлован, первый этаж дома... Ничего такого теперь в 37-м квартале не увидишь. Это уже история. →

Не забудут 37-й квартал
и они. Хорошая практика
была у будущих инжене-
ров-строителей, студен-
тов Эдуарда Еремина и
Тамары Красножен. →

Два разных подъезда?
Нет, подъезд тот же. Толь-
ко снимки разные. Пер-
вый сделан в октябре, а
второй — через сорок пять
дней. ←

СТРАНИЦА МАЛЕНЬКИХ ВСТРЕЧ

НАШИ
ПУБЛИКАЦИИ

Неизвестная фотография Хемингуэя

В человеке, запечатленном на этом снимке, не сразу признаешь того Хемингуэя, которого мы знаем по последним фотографиям, — высокого, грузного, с красивой окладистой бородой, в облачке которого чувствуется пришедшая с годами писательская мастильность.

Это Хемингуэй — военный корреспондент.

Испания, 1937 год. Осажденный Мадрид. Передний край борьбы с фашизмом. Он не мог не быть здесь. «Я не очень-то разбираюсь

в политике, — говорил он, — да и не люблю ее. Но что такое фашизм, я знаю. Здесь люди сражаются за чистое дело».

Он уже бывал здесь и полюбил эту страну и ее народ, благородный, честный, мужественный. Он уже писал об Испании — о бое быков и непобежденном матадоре Мануэле, о ловле форели в горных реках и о праздничной фиесте в Памплоне, о слоняющихся по стране скужающих, пустых людях, своих соотечественниках.

Сейчас он живет в отеле «Фло-

рида» и тоже пишет об Испании и о некоторых своих соотечественниках. Пишет пьесе о суровой, жестокой борьбе в осажденном городе, о том, как время устраивает проверку людям. «Каждый день нас обстреливали орудия, установленные на Леганес и по склонам горы Гарабитас, и пока я писал свою пьесу, в отель «Флорида», где мы жили и работали, попало больше тридцати снарядов. Так что, если пьеса плохая, то, может быть, именно поэтому. А если пьеса хорошая, то, может быть, эти тридцать снарядов помогли мне написать ее». Это «Пятая колонна», в которой изображаются обстрел Мадрида, отель «Флорида», бар «Чикотес», некоторые знакомые Хемингуэя, а также отдельные события его личной жизни.

Он каждодневно встречается с настоящими, мужественными людьми, достойными стать его героями. Его восхищают мадридские шоферы, бойцы интернациональных бригад, жители города, стойко переносящие трудности и лишения войны. В отеле он только ночует, пренебрегая обстрелом и бомбежкой, днем он на фронте, да и фронт недалеко — всего полторы тысячи ярдов от отеля. На передовых его знают и уважают за смелость. Его друг — бесстрашный генерал Кач (писатель Матэ Залка), с ним и с людьми его бригады он особенно часто встречается. Во время одной из поездок на фронт у Харамы и сфотографировал Хемингуэя кинорежиссер Йорис Ивенс.

Д.М. КЕДРИН

ПОЛУСТАНОК

Седой военный входит, подбоченясь,
В штабной вагон, исписанный мелком.
Рыжебородый тощий ополченец
По слякоти шагает босиком.

Мешком висит шинель на нем, сутулом,
Блестит звезда на шапке меховой.
Глухим зловещим непрерывным гулом
Гремят орудья где-то под Москвой.

Проходит поезд. На платформах — танки.
С их башен листья блеклые висят.
Четвертый день на тихом полустанке
По новобранцам бабы голосят.

Своих болезных, кровных, богом данных
Им провожать на Запад и Восток...
А беженцы сидят на чемоданах,
Ребят качают, носят кипяток.

Куда они? В Самару, ждять победу?
Иль умирать?.. Какой ни дай ответ,—
Мне все равно: я никуда не еду.
Чего искать? Второй России нет!

Октябрь 1942 г.

НЕ ПЕЧАЛЬСЯ

Не печалься! Скоро, очень скоро
Возвратится мирное житье:
Из Уфы вернутся папикеры
И тотчас забудут про нее.

Наводя на жизнь привычный глянец,
Возвратят им старые права.
Полноту, солидность и румянец
Им вернет ожившая Москва.

Засияют окна в каждом доме,
Патефон послышится вдали...
Не печалься: все вернется, кроме
Тех солдат, что в смертный бой пошли!

Март 1943 г.

Под микроскопом — время

Алексей Толстой в гостях у «Смены»

80 лет со дня рождения
А. Н. Толстого

Тридцать лет назад (в 1933 г.) состоялась встреча Алексея Николаевича Толстого с коллективом редакции «Смены». Писатель прочитал отрывки из второй части «Петра Первого» и беседовал с молодыми авто-

рами журнала по вопросам литературного мастерства. Вот что он им советовал:

«Когда вы пишете, вы должны видеть предмет, о котором пишете, и видеть его в движении. О неподвижных предметах много не напишешь... Движение и его выражение — глагол — являются основой языка. Найти верный глагол для фразы — это значит дать фразе движение».

Нужно овладеть простотой языка и затем играть ею как угодно. Но вначале — простота, точность, ясность, максимальное возбуждение читательской фантазии, а не насыщение ее».

Критик с уголовным кодексом

100 лет назад в журнале «Современник» начал печататься роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?».

Роман подвергся жестоким нападениям со стороны реакционной критики. Каких только бранимых слов не говорилось ими по адресу «новых людей» Чернышевского! Всех превзошел один критик, который стал классифицировать поступки героев романа по различным статьям Уложения о наказаниях: статья 1549 — о похищении незамужней с ее согласия; статьи 1554 и 1555 — о двоебрачии с подлогом и без подлога; статья 1566 — о вступлении в брак без согласия родителей; статья 1592 — об упорном неповиновении родительской власти; статьи 998 и 999 — о сводничестве мужьями своих жен; статьи 976 и 977 — об употреблении чужих паспортов и т. д.

Так велика была злободневность романа.

Опрометчивое заявление

85 лет со дня смерти
Н. А. Некрасова

Вот еще пример недавности критики. Когда в печати появились «Коробейники», критик из журнала «Отечественные записки» заявил: «Господин Некрасов решительно не художник».

А вскоре начало поэмы стало народной песней. Высоко оценил поэму А. Блок, назвав ее «одним из самых магических произведений поэта», в котором он всегда чувствует буйную вьюгу, разыгравшуюся на русских просторах.

ТАЙНЫ КУРИЛЬСКОЙ

Фото В. ГИППЕНРЕЙТЕРА,
специального корреспондента «Смены»

Огненным кольцом опоясан Тихий океан. Вдоль его берегов расположилось большинство из плетисот вулканов, которые имеются на земле.

Курильская вулканическая гряда — это часть Тихоокеанского огненного кольца. Она протянулась более чем на тысячу

километров. Многие миллионы лет здесь действуют вулканы. Одни из них уже разрушаются, другие только начинают жить.

Ныне Большая Курильская гряда испытывает общее поднятие. Морские валуны, которые еще недавно лежали на морском дне, сейчас оказались поднятыми на

многие десятки метров над поверхностью океана. Если так будет продолжаться, то со временем на месте островов возникнет сплошной горный хребет, как в далеком прошлом образовались и Уральские горы.

Есть геологическая история Курильских островов — это история борьбы создающих сил вулканизма и разрушающих сил моря, история борьбы бога подземного мира Плутона с богом моря Посейдоном.

Извержения курильских вулканов часто завершаются образованием раскаленных лавовых гор, так называемых ку-

полов. Куполы долго остывают, и по трещинам из них пробиваются газовые струи — фумаролы. Главными компонентами вулканических газов на курильских вулканах бывают хлористый водород, сероводород, сернистые газы. Сероводород, взаимодействуя с кислородом воздуха, окисляется, и на вулканах образуется самородная сера. Некоторые месторождения самородной серы на курильских вулканах имеют промышленное значение.

Вулканические газы, растворяясь в подземных водах, нагревают их и обогащают соляной и

Это не бушующее море, а океан облаков, окутавших Курильские острова. Только солнце да горделивые вершины сопков вознеслись над ними.

жилы, содержащие свинец, цинк, серебро, медь, известны среди древних вулканических пород на острове Кунашир. Для геолога Курильские острова представляют особый интерес, так как изучение их может помочь поискам полезных ископаемых.

Первыми сведениями о Курильских островах и их вулканах мы обязаны русским морякам, ученым, казакам-землепроходцам XVII—XVIII веков. Но детальное изучение вулканов и геологии Курильских островов началось совсем недавно, и уже многое сделано здесь советскими геологами и вулканологами.

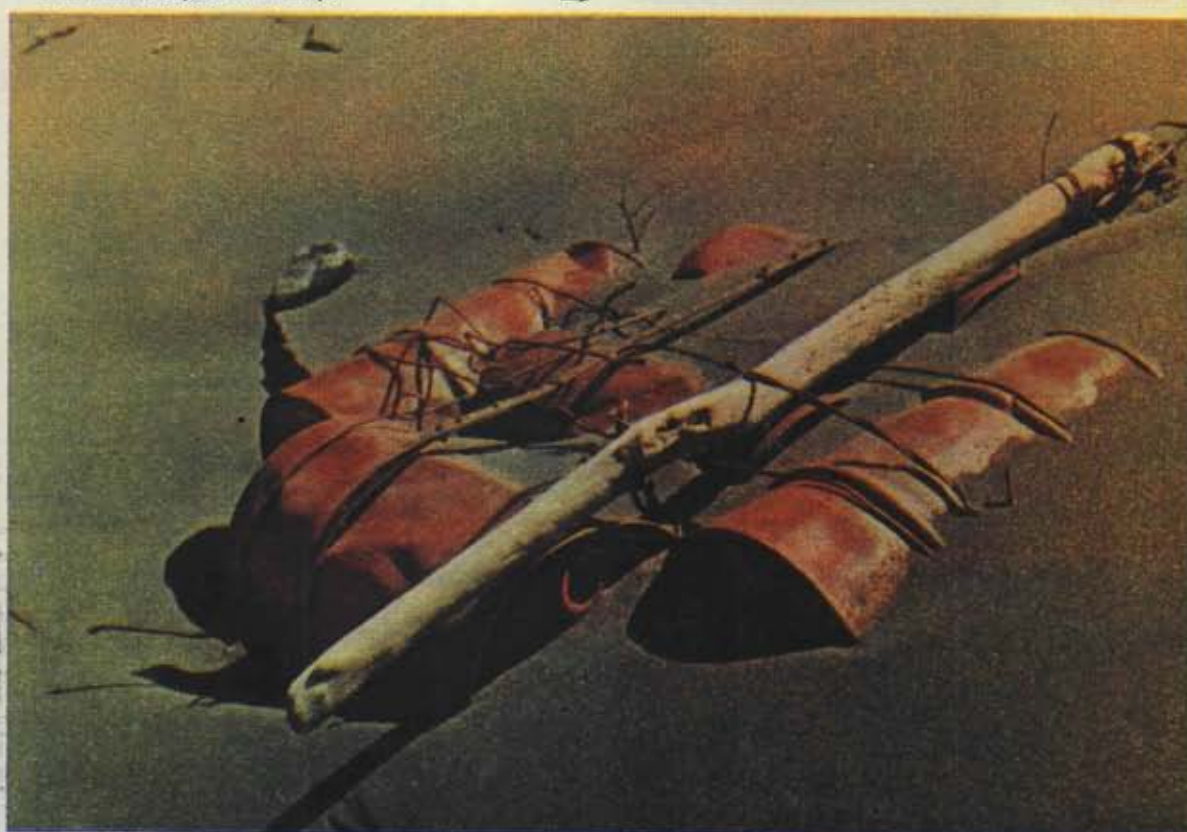
Наименее изучены в настоящее время самые труднодоступные — центральные Курильские острова. Многие из них необитаемы, на некото-

рых нет ни пресной воды, ни растительности.

Для того, чтобы пополнить знания о состоянии действующих вулканов на этих островах, мы и отправились к ним нынешним летом на небольшой шхуне «Геолог». Штормы, дожди, туманы сопутствовали нашей экспедиции. Но поставленная перед ней задача была решена. Были опробованы горячие источники, проведены маршрутные геологические исследования. Мы обнаружили породы древнего фундамента современных вулканов там, где они ранее известны не были.

Е. МАРХИНИН,
старший научный сотрудник Института вулканологии Сибирского отделения Академии наук СССР.

Откуда-то сверху, из-под небес, сбегает столбчатая лавы острова Ушишир.

ГРЯДЫ

серной кислотами. На склонах вулканов и в их кратерах образуются источники, ручьи и целые озера горячих и очень кислых вод. Эти кислые горячие воды разрушают твердые породы — базальты, андезиты, делают их белыми и глиноподобными, выносят из них металлы — железо, магний, алюминий...

Струи вулканических газов несут из глубин земли не только серу и хлор. Здесь обнаружены серебро, свинец, цинк, медь. Иногда эти элементы отлагаются вдоль трещин в земле, образуя рудные жилы. Рудные

Тайны, тайны, тайны... Кто знает, как сложилась судьба людей, много лет назад спасавшихся на этом плоту? Кто знает, какая участь постигла экипаж судна, выброшенного на скалистые берега Курил?

Леонид МАРТЫНОВ

ИЗ НОВАХ

Рвутся нити,
Слабнут связи,
Надоевшие служить,
Но цветок храбрится в вазе:
— Надо жить!
И трещат верхки в аршинке:
— Надо жить!
И вздыхает пар в машине:
— Надо жить!
И орет бензин в моторе:
— Надо жить!
И вскипают волны в море:
— Надо жить!
Надо жить!
И очень долго,
Может быть!
И упорно, без умолка
Все взывает:
— Надо жить!

Одни
Ворчат мне:
— Будь умней!
Другие просят:
— Будь наивней!

Одно другого мудреней...

Одни
Волят:
— Сердитей будь!
Другие стонут:
— Будь сердечней! —
Как будто бы хотят мне грудь
Раздуть
Как некий мех кузнечный.

Иные —
Можно ль их винить!

Задумали
Непогрешимой
Кибернетической машиной
Мне голову заменить.

А я
Таков, каков я есть.
Я знаю, уяснил давно я:
Одни
Хотят одно прочесть,
Другие же — совсем иное!

Но
Делаю я,
Что хочу,
За то меня земля и терпит:
Как молот, бью,
Как серп, блещу
И трепещу,
Как лунный
Серпик.

ВЗРЫВ

Мне
У Константина Айвазовского
Нравится одна картина — «Взрыв».
За день до кончины Айвазовского
Начата — наутро не был жив.

Он ее бы зализал, наверное,
Если бы не умер. И она,

Думаю, что мне бы не понравилась,
Если бы была завершена.

Но, незавершенное, завещано
Мне оно и будущим векам.
Это будто яростная трещина,
Так вот извергается вулкан.

Это не корабль, а мироздание
Рушится на жестком полотне,

И незавершенное создание
«Берегись!» напоминает мне.

Руки, дрогнув, кисть к чертям
отбросили,

Озарил мглу глубокой осени
Бездна взрыва, бледное пятно...
...Съездите однажды в Феодосию
Посмотреть на это полотно.

Коротко об интересном

Сколько дней в году работает на полях большинство сельскохозяйственных машин? Десять — пятнадцать. А дальше? Погуще смазку — и до будущего года. Бездельничают самоходные комбайны, косилки, сеялки. Так было еще несколько лет назад. А сегодня?

Мы на Центральной испытательной станции сельскохозяйственного и оной техники в Солнечногорске. Здесь машины будущего сдают экзамены перед выходом на поля. Нынче испытывается самоходное шасси Тульского комбайнового завода «СШ-45».

Ведущий инженер А. А. Поповский показывает. — Вот оно. И это тоже. И это.

— Простите, — удивляюсь я, — но ведь здесь разные машины. Это зерноуборочный комбайн, это силосоуборочный, а это просто платформа для перевозки грузов.

— Ваша правда, — улыбается инженер. — Преимущество самоходных шасси прежде всего в том, что по мере необходимости они могут становиться комбайнами для уборки зерна, силоса, картофеля, свеклы, могут быть льноуборочником, молотилкой, льно-

и ШВЕЦ и ЖНЕЦ...

терибилкой, сеялкой, навесом, разбрасывателем, пресс-подборщиком, установкой для внесения в почву аммиачной воды, самосвальной платформой, даже грейферным погрузчиком. Всего и не перечислишь сразу.

Тульское самоходное шасси отличается от аналогичных машин повышенной проходимостью за счет двух ведущих осей и шин с низким

давлением. Вторая ось включается автоматически в случае пробуксовки первой.

Мы едем в поле. Там работает силосоуборочный комбайн. Самосвал принимает массу. И рядом с ним трактор. Он тащит грузовик: почва настолько вязкая, что машина не может двигаться самостоятельно. А самоходное шасси работает отлично.

— Это шасси, — говорит А. А. Поповский, — незаменимо для колхозов Центральной зоны и Прибалтики, где во время уборки часто бывают дожди.

Идут экзамены... За год машины получают нагрузку, равную работе в колхозе в течение пяти лет. Но отметки у тульских машин отменные: и у установленных на шасси зерноуборочного и силосоуборочного комбайнов и у самосвальной платформы. Проходят испытания сеялки и комбайна для уборки картофеля.

К сожалению, в бочке меда есть и ложка дегтя. Влил этот деготь Минский тракторный завод. Вместо пятидесяти двигателей для самоходных шасси он поставил тулкам в 1962 году всего десять. Известно ли это комитету комсомола белорусских тракторостроителей? Могут ли минские комсомольцы относиться равнодушно к важному государственному делу? Ведь уже сейчас к тулкам сыплются заявки от многих колхозов. Новая машина им очень нужна.

В. ВОРОБЬЕВ

ДЕЛЬФИН В УПРЯЖКЕ

Как видите, в упряжке могут ходить не только лошади, собаки или олени. На воде (Калифорнийский океанариум, США) их может с успехом заменить дрессированный дельфин.

С Т И И Х О В Ч а с

* * *

Я провожал
Учительницу средней
Нормальной школы, где преподают
Ничуть не хуже, чем в любой соседней...

— По-видимому, всех, кто отстает,
Мне подтянуть за четверть не удастся,
Но все же есть и несколько таких
Сверходаренных мальчуганов в классе,
Что я, конечно, знаю меньше их! —
Сказала мне учительница. — Дети
В какой-то мере знают больше нас,
И надо думать при любом ответе,

Чтоб не смеялся весь десятый класс,
И если что-то не дает покоя,
То не тетрадки и не дневники,
А эта снисходительность, с какою
Взирают на тебя ученики!

И по лицу
Довольно молодому
Вдруг пронеслась мечтательности тень.
Учительницу
Я проводил до дома.
Она закончила рабочий день.

Клуб туч
Был душен,
Воздух — жарок.
И, чтобы успокоить вас,
Я вынул из кармана час
И отдал вам его в подарок.

И вся тревога улеглась,
И воздух сделался прохладен.
Вы у меня просили час.
Я отдал это. Я не жаден.

А если б вы просили день,
Не так бы просто отдал день я:
Он все ж не личное владенье,
А достояние всех людей.
И радуйтесь, что отдал час,
Но добрый час, который полон,
Чтоб не умчался, не ушел он,
Навек остался бы у вас.

А В Т О М О Б И Л И С Т Ы

Есть
На диком просторе
Предгорий холмистых
Территория
Вольных
Автомобилистов.

Я люблю
Этих вольных автомобилистов,
Берег Черного моря берущих на приступ.
Я люблю
Этот табор,
Косматое вече
Тех, кто, весел и храбр,
Прикатил издали,
И жестоко гоним

С санаторного пляжа,
И тобой лишь храним,
Пограничная стража.

На горячем песке,
В уголке отдаленном,
В Мертвой бухте
За мысом Хамелеоном
Извивается черная кошка
На флаге,
И в костре вы печете картошку,
Бродяги!

Вы приюта не ищете
В пансионатах,
И обитель носителей

Брюк мешковатых,
Всяких мощных моторов
Тишайшая пристань
Вас не манит, свободных
автомобилистов.

Мир вам,
Вольные птицы
В замасленных шортах!
Вам не надо томиться
Ни в аэропортах,
Ни торчать на вокзалах.
Несетесь вы к морю.
И волнуется море при вашем напоре,
И трепещет Тавриды горячее лоно,
Где старинных фасадов теснятся
колонны.

Коротко об интересном

Автомобиль с крыльями

Черная извилистая асфальтовая полоса. Жмутся к земле озверело ревящие гоночные машины. Как огнелетящие ракеты, с дикой скоростью проносятся они по головокружительным подъемам и спускам, виртуозно вписываясь в крутые полукруга поворотов...

Откуда взять надежную опору для быстро и круто поворачивающей машины? Изобретатель А. П. Красильщиков, занимавшийся этой проблемой, нашел остроумное и неожиданное решение: пусть автомобиль обопрется на... воздух.

Ведь пятидесятитонные воздушные лайнеры с легкостью выполняют в небе самые невероятные пируэты, а опорой им служит только воздух. Правда, у самолетов есть крылья, но разве нельзя их поставить и на автомобиль?

...По петляющей горной дороге мчится машина. С обоих боков у нее вертикально установлены крылья. Не сбавляя хода, машина начинает кру-

той поворот. Так и кажется, что она вот-вот сорвется в ущелье. Но ничего страшного не происходит. Стоило крыльям чуть-чуть отклониться своими передними кромками в сторону поворота, как образовалась аэродинамическая подъемная сила, противоположная центробежной. Но как во время быстрой езды определить, на сколько нужно повернуть крылья? Об этом не беспокойтесь: специальная передача, связанная с рулем, в зависимости от скорости и крутизны поворота сама определит необходимый угол.

Хрустальная мебель

радости изготовителей. А также долговечность, гигиеничность и... дороговизна. Действительно, изящный, волшебной красоты стул стоил бы слишком дорого. Поэтому изобретатель придумал остроумное добавление к производству стеклянной мебели. Между слоями стеклоткани он предложил прокладывать слои самой дешевой и грубой материи. Стеклоткани понадобилось значительно меньше, и слоеный стул резко «упал в цене». Одновременно улучшился его внешний вид. Сквозь полупрозрачные слои стекляного волокна чуть проглядывает фактура ткани. Переливы цвета, нежная дымка, за которой что-то скрыто, удивительный материал, сочетающий в себе теплоту слоновой кости и блеск хрусталя, — вот облик новой мебели.

История, к сожалению, не сохранила для благодарного человечества имя изобретателя стула. Даже «Большая Советская Энциклопедия» не имеет статьи «Стул». Кажется, что и разъяснять тут нечего, и никаких открытий и изобретений в данной области не ожидается. Тем более интересно изобретение В. И. Томчани. Он предложил делать стулья и другую мебель из стекла. Вернее, из стеклоткани. Абсолютная несгораемость — к радости пожарников, сказочный и одновременно очень современный облик — к радости архитекторов, простейший способ производства — к

НА ПОРОГЕ БОЛЬШОГО ЦИРКА

Фото М. МУРАЗОВА.

Никто из моих родных не выступал на манеже, и это решение родилось самостоятельно и неожиданно. Меня вдруг охватила чугунная зависть к баловням славы, и я решил отнять у Олега Попова его многочисленных поклонников.

Ранним зимним утром я остановился у входа в светлое куполообразное здание, где висела доска «Государственное училище циркового и эстрадного искусства». Следовало бы прибавить «единственное в мире», но этого почему-то никто не сделал. Вероятно, из скромности. Я не сомневался, что уже в вестибюле мне встретятся веселые люди с разрисованными лицами и в клоунских колпаках, а из глубины здания донесется леденящий душу рык тигра.

Но ничего этого не было. Ни клоунов, ни тигров. Мне встретились озабоченные ребята и девушки с портфелями и сумками, какие можно увидеть в любом институте или школе.

На лестнице я невольно услышал разговор между широким полосатым свитером и двумя косичками, задорно перехваченными красными бантиками.

— Молодец, Сережка, выскочил прямо на коне!

— Да брось ты, — отмахнулся свитер.

— Когда она спросила тебя закон Войля — Мариота, у меня дух захватило. А ты спокойно, точно кульбит на проволоке...

Миновал длинный кольцеобразный коридор с учебными аудиториями, я вышел на манеж.

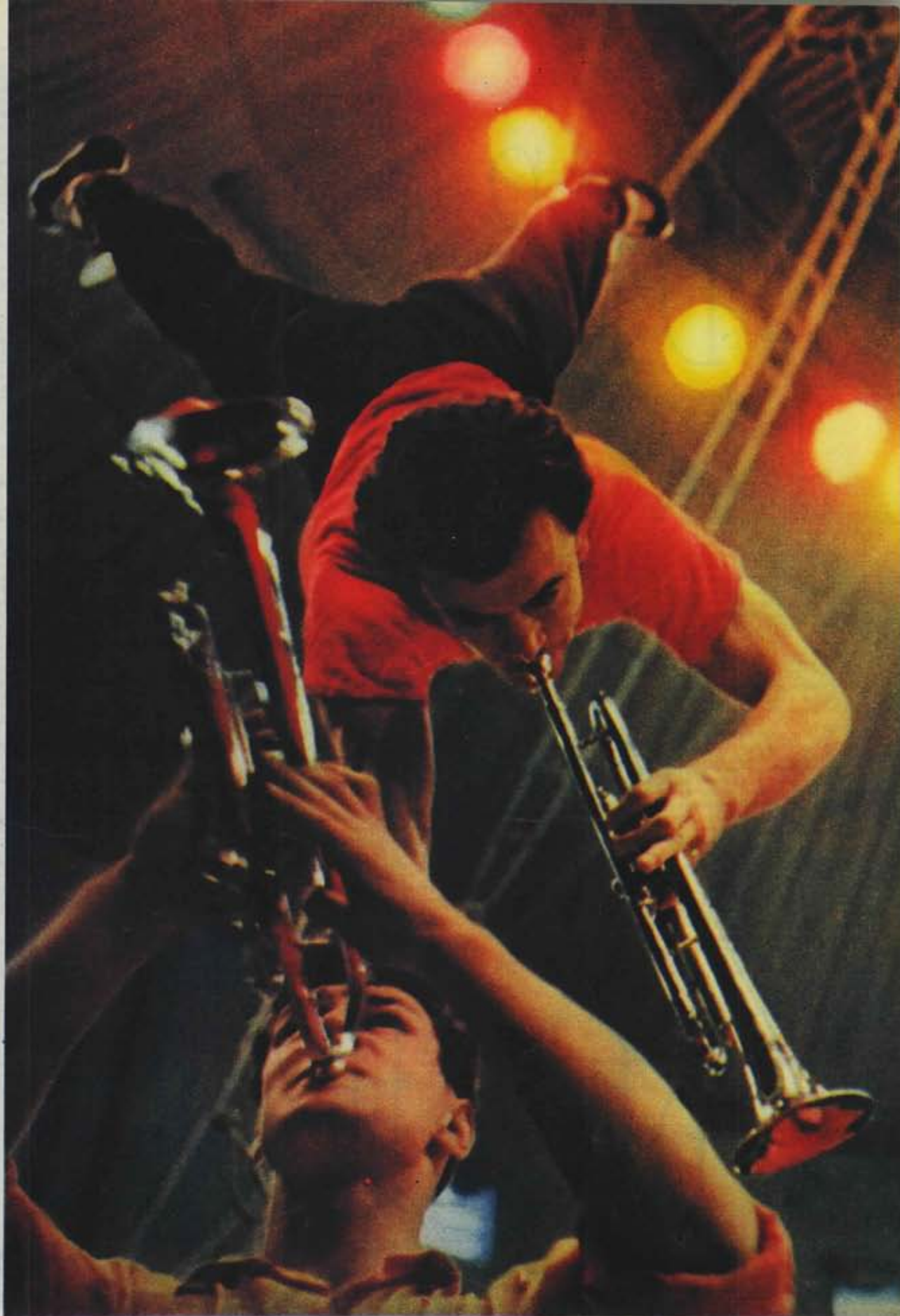
Вот он, волшебный красный круг, залитый светом прожекторов. На манеже много мальчиков и девочек в тренировочных костюмах. Одни стояли на руках, другие на голове, при этом — на чужой. Третьи подкидывали вверх булавы и старались поймать их. Четвер-

тые... Впрочем, описать это зрелище невозможно.

Один парень взбирался на голову другому и играл на саксофоне, а нижний тем временем лихо улыбался и как ни в чем не бывало растягивал мехи аккордеона.

Через пару часов, во время которых эти двое успели раз сорок сыграть «Подмосковные вечера», преподаватель Зиновий Гуревич, который отдал цирку тридцать лет, стал репетировать следующий номер с тремя девочками.

Я видел, как под руковод-

ством режиссера-педагога Николая Баумана студент 3-го курса отрабатывал в течение полутора часов только один трюк: сальто на канате. Полтора часа — пятьдесят сальто назад — сорок четыре падения... А тем временем маленькая хрупкая девочка в черном трико трудолюбиво стояла «на лапках» — так здесь называют стойку на кистях. Постепенно манеж опустел, и именно тогда появились они — Рамаро — три молодых клоуна. Они выбежали веселые, шумные и, хотя на местах

для зрителей никого, кроме меня, не было, казалось, что они ждали грома оваций. Но вместо этого раздался спокойный голос режиссера: — Слабо. Повторите выход еще раз. ...В городе уже давно наступил вечер. Все московские студенты и школьники успели сделать не только уроки, но и вернуться из кино. А Рамаро по-прежнему, уже который час, репетировали свой первый реприз: несколько шагов, приветственная фраза и каскад. Так, день за днем, прохо-

дят занятия в этом уникальном учебном заведении. Три года студенты училища занимаются под руководством опытных профессоров актерского мастерства, изучают сатирическую литературу, музыку, танец и другие общецирковые дисциплины. Интересно отметить, что каждый второй артист цирка имеет диплом об окончании училища. Здесь они обучались не только высокому мастерству, но и трудолюбию, без которого искусство немислимо.

Мих. ЕФИМОВ.

ЗВЕЗДА

Телетайп был немногословен. На широкой бумажной ленте он отстучал по-английски всего пять слов: «Первую гонку выиграл советский экипаж». Сообщение пришло из португальского местечка Каскайса и означало следующее: на чемпионате мира 1962 года по парусному спорту в классе «Звездный» первую гонку выиграли наши яхтсмены. Кто именно? Конечно, рулевой Тимир Пинегин и матрос Федор Шутнов. Это они представляли наш спорт на мировом первенстве, потому что они сильнейшие гонщики на звездах в Советском Союзе. Впрочем, не только в нашей стране, но, пожалуй, и во всем мире. Поэтому телетайпное сообщение было для нас радостным, но вовсе не поразительным...

Да, время бежит, и представления меняются. Совсем недавно мы не возлагали на наших яхтсменов никаких — ну, буквально никаких! — надежд. Подобное сообщение явилось бы подлинной сенсацией. Но таких сообщений не было. Были другие. О том, что наши яхтсмены опять проиграли. Они проигрывали на всех международных соревнованиях — на чемпионатах мира и первенствах Европы, на Олимпийских играх и больших регатах. И вот...

Все изменилось в 1960 году на Олимпийских играх в Италии. Советские яхтсмены отлично выступили в Неаполе, а лучше всех — Тимир Пинегин и Федор Шутнов, завоевавшие на звездных звание олимпийских чемпионов. Для многих успех явился неожиданностью. Однако специалисты знали, что случилось это не вдруг. У этого успеха есть своя предыстория. Есть много условий, благодаря которым

Пинегин и Шутнов добились победы. И одно из них — синтез их качеств, позволивший им двоим, сидящим в одной лодке, создать изумительный «звездный» экипаж. Не высокий, черноволосый, с лицом монгольского типа Тимир и огромный, русоголовый славянин Федор. Спокойный Пинегин и неожиданно загоравшийся по пустякам Шутнов. Тимир, главное оружие которого — знание, и Федор, чье оружие — сила. Они совсем разные. Но, может быть, именно это несходство и позволило им стать отличным яхтсменским экипажем.

Однако как много лет потребовалось для этого! Первую большую победу они одержали в 1960 году, а выступают с 1952-го! Это — вместе. А по отдельности яхтсменский стаж каждого из них гораздо больший.

Тимир увлекся парусным спортом рано. Уже в 14 лет одержал первую победу. И не одну, а сразу две — выиграл Московскую регату и соревнования на приз закрытия сезона. В обоих состязаниях Тимир выступал наряду со взрослыми в порядке исключения... Кончилась Великая Отечественная война. Тимир получил аттестат зрелости и работал на заводе чертежником-конструктором. Одновременно продолжал заниматься спортом. Росло его мастерство, рос и счет его побед. Он выиграл многие регаты и десять раз становился чемпионом Москвы. 1952 год стал для Пинегина, как и для всех советских спортсменов, годом выхода на международную арену. Он поехал на Олимпийские игры в Хельсинки. Правда, его дебют не состоялся: Тимир был в Финляндии лишь запасным рулевым. Основным выбрали А. Чумакова, который выступил неудачно. Но тогда

эта неудача была закономерной: советские яхтсмены познакомились с лодками класса «Звездный» лишь незадолго до XV Олимпиады. Сам Пинегин впервые увидел звездник в том же 1952 году в Таллине, где советские яхтсмены готовились к Олимпийским играм. Звездник очень красив и надежен. А на белом парусе звезда — знак международного олимпийского класса. Потому-то эту новую илювную яхту, отличавшуюся простотой устройства, и назвали звездником. Она хорошо плавала и в открытом море и на реках, и в легкий ветер и во время волнений.

Пинегину звездник сразу понравился. Да так, что с тех пор Тимир решил специализироваться в гонках на яхтах этого класса. Это решение еще более окрепло, когда чуть позже, в Хельсинки, Пинегин наблюдал за лучшими гонщиками мира. Вернувшись на Родину, Пинегин стал искать напарника. Звездник рассчитан на двух человек: рулевого и матроса. Рулевым стал сам Тимир, матросом взял к себе Федора Шутнова.

Спортивная биография Шутнова тоже была не маленькой. До встречи с Пинегиным он успел выступить во многих соревнованиях, приобрел богатый опыт. Был находчивым, смелым, решительным. Когда на одной из гонок в Хельсинки на яхте Н. Ермакова (матросом на ней был Шутнов) выскочила красница — распорна на мачте, Шутнов вскарабкался вверх, установил красницу на место и держал ее руками. Три часа провисел на мачте — все время, пока Ермаков продолжал гонку. И подобное случалось не раз. Короче говоря, лучшего матроса вряд ли можно было найти. И Пинегин, не раздумывая, выбрал Федора Шутнова.

Очень скоро они добились успеха — в первое же лето стали чемпионами страны. А потом завоевывали это звание из года в год. Они были, бесспорно, сильнейшими гонщиками на звездниках. Но поначалу лишь в Советском Союзе. На международных регатах их постигали неудачи. На Олимпийских играх в Мельбурне, на чемпионате мира и Европы в Касабланке, наконец, на Генуэзской регате. Но в отличие от предыдущих последних неудача не обескуражила Пинегина и Шутнова. Напротив, вселила в них уверенность.

Первые гонки в Италии Пинегин и Шутнов действительно проиграли. Но они приехали туда буквально накануне старта и не успели познакомиться с местными условиями. Зато потом, когда в ходе регаты Пинегин разобрался в обстановке, дела пошли лучше. Последнюю гонку Тимир и Федор выиграли. Это была обнадеживающая

танским заливом. Здесь (а не в Риме, как все остальные участники Олимпиады) должны были выступить яхтсмены.

Изучив местные ветры, убедившись, что утром — во время стартов — они очень слабые, а затем постепенно усиливаются, Пинегин пришел к правильному выводу: гонки будет выигрывать тот, кто сразу сумеет вырваться вперед. Догонять его будет труднее с каждым новым кругом. Что же делать? Очень «просто». Надо быть первым, брать на себя роль лидера. Для этого нужно выбирать на старте такое место, откуда можно было бы уйти вперед быстрее всех.

Итак, от самого старта — вперед, вперед! Только так можно прийти к победе. Свой тактический план Пинегин и Шутнов начали сразу выполнять на практике.

Семь гонок проводился на регатах, и за определенное место начисляется определенное количество очков.

Первая гонка. Все яхты делятся на две группы. Одна — близко к берегу. Другая — дальше от него. В этой второй группе судов больше всего. И это не так уж непонятно: здесь итальянец Агостино Страулино. Он не просто итальянец. Он неаполитанец. Он все здесь знает, и надо равняться на него, держаться к нему поближе. К тому же Страулино вообще прекрасный гонщик. Он дважды был чемпионом мира.

Итак, две группы. Впрочем, нет, три. Что из того, что третью составляет всего одна яхта? Это тоже «группа», потому что ни в какую из тех двух она не входит. Кто же тот смельчак, осмелившийся держаться в одиночестве? Это советский рулевой Пинегин. «Пинегино», как звали его итальянцы. С сегодняшнего дня они будут называть его по-иному: «руссо соло» — одинокий русский. И при этом поначивать головками: один в поле не воин, одна ласточка весны не делает.

С судейского судна слышится выстрел. Это сигнал к старту, все приводятся к ветру, но быстрее всех делают это Пинегин и Шутнов. Теперь вперед, вперед! Им никто не мешает, как в тех, правой и левой, группах. И вот уже советский звездник возглавляет гонку. Главное сделано. Пусть теперь иногда стихает ветер: опередить его никому не удастся. Тот, кто первым уходит со старта, первым и финиширует.

Так было взято максимальное количество очков. Теперь нужно было быть осторожным. Экипаж советского звездника, который совсем недавно не считался опасным конкурентом, начали принимать всерьез. Теперь уже и нему, а не к Страулино пристраивались многие гонщики. Теперь равнялись на него.

Осторожность действительно не помешала. Стремившийся во что бы то ни стало опередить русских португалец Кина в одной из гонок едва не налетел на нашу яхту. Пинегин и Шутновым выиграли третью и четвертую гонки. А затем, чтобы завоевать чемпионские титулы, им нужно было хоть одно третье место в трех оставшихся гонках. Они заняли его уже в следующей, пятой, гонке. Все остальное было неважно...

Так Тимир Пинегин и Федор Шутнов стали олимпийскими чемпионами... Первыми советскими чемпионами в парусном спорте!

После Римской Олимпиады пролетело два года. Немало соревнований состоялось за это время. Во многих выступали Пинегин и Шутновым. Но теперь телетайпные сообщения всегда бывают радостными. «Одни из первых!» И ныне это никого не удивляет. Помните, мы начали очерк с победы Пинегина и Шутнова в первой гонке на чемпионате мира нынешнего года? Огорченный поражением соотечественников, президент США Д. Кеннеди, сам заядлый звездник, прислал тогда американским гонщикам раздраженную телеграмму: «Плохо работаете». Наши же спортсмены «работали» отлично. И так считали все. Рулевые из разных стран приходили и Пинегину, чтобы раскрыть «секрет» его мастерства, так же как шкотовые «пытали» Шутнова о его умении откренивать лодку. Это ли не признание того, что советский экипаж — «звездный» звездников!

Нет, не случайно, не «вдруг» стали Тимир и Федор олимпийскими чемпионами. Нет сейчас экипажа лучше этих двоих, дружно плывущих в одной лодке!..

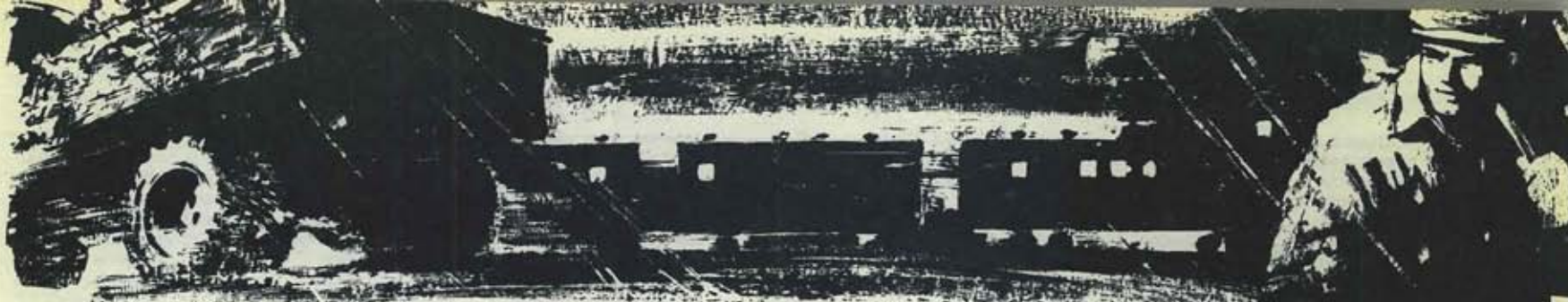
«ЗВЕЗДНИКОВ»

победа. Она была завоевана при слабом ветре — значит, советская яхта оказалась не хуже зарубежных по своим ходовым качествам. И еще: победа была одержана над многими замечательными гонщиками, в том числе над прославленным итальянцем Агостино Страулино, — значит, советские звездники могли опережать мировых и олимпийских чемпионов!..

...Быстро пролетели дни, оставшиеся до XVII Олимпиады. Спокойствие и вера в победу не покидали советский экипаж. К тому же все складывалось отлично. Яхту Пинегина и Шутнова на этот раз доставили вовремя (в Касабланку ее привезли... после старта, и они вначале выступали на чужом плохом звезднике). Оставалось время и для «разведки». А если прибавить ко всему накопленное Пинегиным и Шутновым мастерство, их веру в свои силы, то надежда на успех была большая.

Но победа не приходит сама. Ее не ждуть, а завоевывают. И Пинегин начал знакомиться с Неаполи-

Двояродный муж

Андрей ГУБИН

РАССКАЗ

Поезд пришел ночью. Косые струи дождя размазывали тусклый свет фонарей-времянок. Вдали, за вокзалом, белел платочный городок. На пустыре под сопкой, в облеших пассажирских вагонах, стоящих на непривинченных рельсах, тоже жили люди. Сейчас они спали. А новые искатели счастья вываливались из пришедшего поезда, до отказа заполняли недостроенный зал ожидания с незастекленными окнами.

— Как проехать в Рыбачий? — спросил в темноте парень в черном бушлате и серой кепке.

— Вон попутная отходит!

Битком набитый самосвал, залепанный известью, фыркал и разворачивался в клеевой глине, перемешанной с углем. Антон схватился за борт, машина тронулась. Антон подтянулся, схватился за какой-то узел, но здоровенный рыжий детина, сидевший на нем, ударил сапогом по пальцам парня...

Антон промыл пальцы под ржавым желобом, поправил за спиной вещмешок и зашагал по лужам, скрипя зубами от ненависти: «Попался бы ты мне, спекулянт!» Неожиданно успокоился: на повороте увидел море. Мокрый ветер нес запахи парусины, хвои и нефти. Брызги летели в глаза — навстречу шли мощные камневозы с гордыми зубрами на радиаторах. Около развороченной сопки гремел огнеглазый экскаватор.

Парень прошел по сваям, вбитым в море, спустился на молчаливую баржу, нашел трюм. Под ногами хлопала вода. Дубовые балки сходились в узлы над головой. Пахло сладкой свинцовой рудой. Антон лег на ящики, застланные сырой рогожей. Дождь хлынул ливнем, но здесь все-таки был потолок.

Ясный и чуть грустный предосенний денек. Мирное солнце нежит дальние сопки, золотит спокойную бухту, пестроту шлюпок, катеров, «либерти» — океанских кораблей.

Волны облизывают мазутные камни, брусья причалов. Служебные помещения облиты лимонной и розовой известью. Пыль. Скрежет. «Майна — вира». По всему берегу тысячи тонн грузов.

Млеют над великой, над сонной водой мальчишки и транзитные пассажиры с удочками.

У ворот порта на теплых булыжниках лежат несколько человек. Антон присел возле них, сказал:

— Здравствуйте.

Не ответили.

Потом Адам, грузчик в армейской гимнастерке, с черной бородкой на узком лице, спросил:

— Чего вы?

— Работу ищу.

— Какую? — поднял шишкастую с проседью голову Ремизов, сухой, в стеганке на голом теле.

— Временную, я жду пароход на Командоры.

Гигант Усольцев открыл один глаз:

— А ты грузчик?

— И грузчик.

Усольцев открыл второй глаз, поколебался, встал нехотя, зевнул и, отвернувшись, выставил согнутый палец:

— Разогни.

Антон повис на пальце — тцетно.

— Согни руку, — подсказывает оживившийся Усольцев, таская Антона, как медведь щенка.

Неожиданно Антон бросил его себе на плечо, но тут же лежал на земле, встал на голову, крутнулся и вывалился. Это произвело некоторое впечатление: татарин Шамиль даже перестал читать книгу.

— А вот он сильнее меня, — показал Усольцев на Шамиля. — Только в гневе. Особенно жуликов не любит.

— Воровство — тягчайшее преступление, — как прокурор, говорит Шамиль, не отрываясь от энциклопедии. — В Японии руку за воровство отрубали. — Тело его напрягается. Это действительно самый сильный человек в бригаде. Однажды он задержал четверых воров.

— Ложись, — говорит Антону Усольцев и дает ему пару брезентовых перчаток.

— Обедать пора, — закрыл книгу Шамиль и надел очки.

Впортовой столовой шум и гвалт. Ругаются грузчики с черными от солнца плечами, крановщицы в красных платочках, матросы в синих воротниках, запыленные каменщики... Официантки не успевают обслуживать, столы заняты, а народ все прибывает. Молча стоят только иностранные моряки в беретках и джемперах и курят сигары. На спине одного выткана оранжевая ящерица с голой женщины, и всякий, кто входит в столовую, с минуту осмысливает это явление и потом вливает в общий гвалт свой голос. Тут же, рядом, на кухне, язычески орудут потные повара над уснувшими телятами и петухами. Различные «бефы» щекочат ноздри. Дымятся озера супов в медных берегах котлов. В буфете кипят кружки с пивом.

Антон безнадежно трясет чеками своей бригады. Поймал директора столовой. Это толстая, потная старуха с хитрым, плачущим лицом, на котором, как на сыром тесте, малиново пламенеет нос-картошка.

— У нас штаты урезали! Что я поделаю! — заголосила она.

Тогда Антон аккуратно повесил бушлат на стул, подползаясь фартуком, надел поварской колпак, стукнул, как заправский кулинар, ножами и подмигнул девушке, стоявшей на раздаче:

— Лей — не жалеи!

Шум стал стихать. Люди с интересом стали смотреть на манипуляции Антона. А он, почти танцуя, быстро разносит обеды по столам. Любовно глядят на него официантки, хихикают, особенно Ира, с маленьким носиком и зелеными глазами в крапинках. Потное платье прилипло к полному телу.

Очередь ликвидирована. Антон ест сам. К нему подошли иностранные моряки, невозмутимо положили на стол серебряную монету своего королевства, считая, что он бродяга и делает бизнес, как может.

Провыла сирена. Уже работают не ножи и вилки — стрелы кранов. Тронулись машины. Стальными зубами вгрызаются в сопки экскаваторы. Не ложки стучат — пневматические молотки. Звон, суета, горячка. Портальный кран зацепил связку железа, но какой-то человек авторитетно закричал:

— Отцепить! Катера грузить на «Джурму»!

Грузчики застропили катер.

— Стойте! Где же правда? — мечется тучный обалдевший экспедитор. — Моя очередь! Третий месяц!..

Но уже дрогнул и поплыл в воздухе катер, взятый краном за шиворот, как котенок.

В сторонке сидят бичи Усольцева, смотрят на экспедитора. Когда строят новый город, много работы. Штатные не управляются. И тогда выплывают наверх внештатные, вроде бригады Усольцева. Среди них и хозяйственные мужички-сезонники и ломовые лошади, привыкшие работать много и жадно, но бессистемно. Встречаются и романтики, которым дорог шелест флагов, грохот якорей, запах моря, блеск бухт, таинственность дальних плаваний, встающая на мачтах кораблей и видная только им, посвященным, и они часами впитывают это в себя, перебиваясь случайными заработками.

— Папаша, поди сюда, — доверительно машет пальцем Усольцев.

Возмущенно потрясая портфелем, этим щитом современных рыцарей, экспедитор подходит.

— Какая организация? — сочувственно спрашивает Шамиль.
 — «Камчатнефтегеология!» — прорыдал папаша. — Третий месяц...
 — «Камчатнефтегеология!» — с уважением встал Шамиль. — Как же, знаю, работал в вашей системе. Богатая организация.
 — Ничего, не жалуемся, — отирает пот с лысины экспедитор, радуясь душевному человеку.
 — Чего тебе грузить? — ласково спрашивает Шамиль.
 — Листовое железо, швеллер, рудномельничные шары.
 — Железо! — разочарованно сел Шамиль, открывая энциклопедию. — Кожу с ладоней сорвешь. Не подходит... А сколько тонн?
 — Пятьсот, — умоляюще шепчет экспедитор.
 — Шесть тысяч, — невинно зевнул Шамиль. — И то только ради такой организации. Тут одних перчаток изорвешь по три пары!

ская капуста. Даже рыба не заходит сюда. Мрачную картину стальных покойников нарушает лай черного пса, увидевшего своих хозяев.

Антон с интересом рассматривает корабли, читает английские названия. Вот «Нагасаки» — хищный миноносец. У него взорвана боевая рубка. Крейсер «Император» с якорем, повисшим у самой воды, как выпавшим зубом дракона. Стылая горечь копоти: крейсер был в облаке огня. «Акула» — подводная лодка с вырванным боком — торпедирована. Только «Адмирал Мудзимура» выглядит сносно. Даже сохранился обрывок белого с солнцем флага. Машинный трюм затоплен. Сбиты орудия. Из отсеков тянет могильным холодом.

— Пробойна в корпусе, — определяет Антон. — Возможно, котлы целы. Водоизмещение — тысяча тонн. Вот это аккордная работа! А? Ведь вы любую работу делаете! Поднять такой корабль! Это же музыка!

— Шесть тысяч? — заслонился щитом-портфелем рыцарь снабжения. — А крест на вас есть?

— Нету! — весело оскалился Шамиль и распахнул рубашку на волосатой груди.

— Грузите! — с ненавистью крикнул экспедитор. — План срывается! Ешьте! Пейте! Людоеды!

А людоеды уже надели перчатки, и загремели ботинки, сбегающие по швеллерам в смоленный трюм баржи. Антону кладут на спину связку листового железа — сто тридцать килограммов. Согнувшись, он поднимается по трапу на пароход. Качается масляная волна, играя бутылкой, как соской. Грузчики придирчиво смотрят на новенького: это не обеды разносить. На середине трапа Антон загнулся — ноги дрожат. Опрокинулась в глазах волна с коньячной бутылкой. Веселый огромный медведь Усольцев поддержал Антона, и тот вышел на палубу.

— Бывает, — подмигнул Усольцев карим глазом.

А Адам только отжал кулаком бородку пророка на узком лице.

В завязанную на горле тельняшку экспедитор горестно бросает радужные пачки денег, склеенные крест-накрест.

Грузчики блаженно развалились на бревнах, ожидая следующей манны. Антон стирает рубашку в море, которое все баюкает бутылку. Но бутылка пуста, и море спокойно. Подошла и села на колене Ира.

— Кто же так выкручивает? Шелк надо отдавливать... Дайте покажу.

Свежие мокрые платки и рубашка болтаются на веревке. Холодный солнечный ветерок резво дует с берега, гонит в небе высокие облака, рябит синюю воду — там и сям дрожат золотые плешины.купаются чайки. Бьется на ветру красная юбка Иры.

— А вот тут мы живем, — показал Усольцев Антону на разбитый корабль.

Глухая, зеленая от плавучих лишайников вода. Мертвая японская гавань. Здесь не бегают паровозы, не слышно «вира-майна». Это — морское кладбище. Здесь стоят на приколе, пока их не стащат в мартены, бывшие военные японские суда. Лопухи и незабудки прорастают на их палубах. Сбиты башни. Облезли желтые иероглифы имен. Скорееженное железо. О ржавые борта грусят обломки рей, мор-

— Специалисты нужны, — говорит Усольцев. — Что мы? Плавали матросами да кочегарами.

— Я машинист первого класса, — говорит Антон. — Пригласим инженера-механика. Важно начать, нам помогут.

Спорили до хрипоты. Адам полез драться на Ремизова, доказывая правоту Антона: надо восстанавливать корабль! Наконец было решено обратиться в управление порта за разрешением. Конечно, приняли еще одно решение — обмыть начало новой, правильной, как сказал Ремизов, жизни.

С адится солнце, озаряя бледно-красным светом бухту, корабли, дальние леса на сопках. Возле фанерной пивной, похожей на собачий ящик, стоит бригада Усольцева, следя за движениями бригадира. Движения эти просты — Усольцев красными волосатыми ручищами сунул бутылку водки в мутный стакан и ласково проворчал Антону:

— Пей.

— Я не пью.

— Так, — сказал Адам с хилой грудью и библейской бородкой. — С нами не пьете или вообще?

— Вообще. И вам не советую.

— Нехорошо, — обиделся Ремизов. — Работал наравне, а пить не хочет. И затея эта с «Мудзимурой» не наша.

Подошла Ира с подружкой, стреляющей подозрительно невинными глазами.

— Я за него выпью, — сказала Ира, прикуривая папиросу, и действительно потянулась к стакану.

Антон отстранил ее, взял бутылку из рук Усольцева, вспенил водку и отпил из горлышка, как нарзан.

— Этот парень говорит, что он не пьет, — тоскливо приложился к стакану Адам.

— Не пью, — сказал Антон. — Только виноградный сок. Мы люди не бедные, можем пить шампанское. Покупаю. А водку по боку. — И он бросил бутылку в море. — Пей, Японское море!

И жадная волна торопливо подхватила бутылку.

— Эх! — вскинулся Ремизов. А Усольцев, спеша, выплеснул в волосатый рот чайный стакан водки.

— Последняя. Крышка.— И впился в спину сушеной воблы. Нагрузились бутылками с шампанским и вернулись на корабль.

Со спардека хорошо видна гавань. На рифленой палубе, на тросах и пушках — ржавчина запустения, уныние окончившейся жизни. Но сегодня здесь рвутся, как мины, пробки вина. Закусывают деликатными вещами — персиками и тортом. Говорят очищенным от примесей языком о любви, о работе.

На другой стороне отдает концы красавец дизель-электроход. Борты, как мухи, облепили пассажиры. С пристани машут руками провожающие.

— «Дзержинский!» — гордо говорит Усольцев. — На Чукотку. К белым медведям. За длинным рублем. Не махнуть ли и нам? Можно и на Командорские — котиков разводить. Я там родился, у острова

Наутро рыбаки были спасены. Краевая газета поместила очерк об отважных моряках. Адам долго вертел газету, не верил глазам, перечитывал свою фамилию, купил двадцать газет и послал родственникам в Одессу и Жмеринку.

У моря тянутся нескончаемые песчаные дюны. Стекло-белый песок раскален солнцем. Море неумолчно шумит, выглаживая косу. Грузчики с девушками входят в воду. Идут много саженей, и все видно сквозь зеленоватый хрусталь воды песчаное дно, похожее на складки желтого бархата. Проплывет морская собака, вся состоящая из зубастого рта рыбка, или всплывет белобрюхий электрический скат. Девушки беспричинно визжат. Мужчины сопят, как тюлени.

Рисунки О. ВУКОЛОВА.

Беринга, обмывался в заливе Петра Великого, рос в Татарском проливе, а ходил до сингапурских маяков.

— За что же списался? — спрашивает Антон.

— Сошелся я, парень, с одной бабенкой. Ничего. Ловкая из себя. А муж ее плавал в южных морях. Узнал про измену жены и покончил с собой — прыгнул с борта в косяк акул, на лету проглотили! И подумал я: как любил этот человек! Ведь я бы так не сделал, не любил мы — путались. И появилась между нами кровь, словно мы убили человека. И ушел от нее.

— А с корабля списался почему? — не понял Антон.

— Испугался... Воды испугался, моря. Когда узнал про смерть ее мужа, был шторм. Волны, как тысячи коней, мчались на берег... Будто погоня за мною. Страх охватил меня, и я убежал в тайгу.

Полузатонувшая бочка трется о борт. Плавают пробки и водоросли, похожие на щупальца осьминога.

Усольцев вздохнул, допил вино.

— Я, брат, много видал. Золото мыл. Женшень искал.

— Эй, там, на лайбе! — прокричали с берега. — Рельсы грузить срочно!

Бригада переглянулась.

— Можно, — встал Антон. — Последний раз, а с утра возьмемся за «Мудзимуру».

— Пошли, — коротко приказал Усольцев. — Только идет шторм!

И действительно вокруг потемнело. Дунул ветер. Море побелело.

На могучем плече Усольцева синей тушью наколот медведь, плюющийся на задних лапах ром. Вместе с другими Усольцев несет на плече рельс. В порту безлюдно. Сумерки. Дымно хлещет дождь, заливая глинистую землю. Только косматое, опьяневшее от бутылки водки море бросается на пирс, подкидывая корабли. Не успели грузчики сбросить рельс, как к ним подбежал человек в брезентовике. Из-под кашпона блеснул козырек с золотыми капитанскими лаврами.

— За Лисьим островом тонут рыбаки. Идет буксир. Нужны моряки.

— Вы кто? — кричит Усольцев.

— Я капитан порта.

— Где буксир? — кричит Антон.

— На седьмом причале!

Три беспредельных пространства окружают их: море, дюны, небо. А человек мал. Здесь, вдали от берега, гнетет тишина, не слышно шелеста волн о песок, только чуть видна кромка берега.

— Тихий, или Великий, океан, — мечтательно говорит Ира, похожая на кувшинку в зеленом купальнике. — Так учили по географии в школе. А я выросла в донских степях и никогда не думала, что буду купаться в нем, как в лимане.

— А сейчас ваши родные на Дону? — спрашивает Антон.

— Там... Мать там похоронена, отец погиб в войну там. Сестры в детдоме.

— По вербовке?

— Ага. Только я штукатур, ненавижу эту столовую, но не отпускают. А теперь еще охраняем столовую по очереди. Страшно. Какие-то хулиганы делают подкоп под буфет.

— А где же ваш сторож?

— Рожает.

Антон засмеялся, представив сторожа в тулупе, с бородой.

— Ну да, рожает. Надя Руднева, тоже из наших краев. Жила тут с одним, не расписались — он и скрылся... Какой красивый камень! — Ира вытащила из воды белый булыжник с цветными змейками. Но краски померкли, погасли, они светятся только в воде.

Синие сумерки ползут от тайги и сопок. Вспыхнула на восемнадцать миль береговая цепь огней. На «Мудзимуре» тоже зажгли фонарь. Пустынно. Свистит ветер. Над бухтой начинается дождь. Мутной сетью повисает он над серым морем, затуманивает дома, корабли...

Команда «Мудзимуры» в уютной кают-компании, прибранной руками пришедших с Ирой девушек. Стены под слоем пыли оказались из красного дерева. Вычистили мягкие диваны. Горит под зеленым абажуром лампа, ввинченная в стол. Волны плещутся рядом, за стенками, с шипением прокатываются по толстым стеклам иллюминаторов, мечутся, как пойманные, на осевшей палубе «Акулы», грохоча бочками.

Волны застывают, становятся формалистическими, над ними летят чайки. Это обложка книжки. Все стали серьезными, торжественными. Усольцев даже зачем-то вымыл руки и поправил галстук. Ре-

мизов смахнул со стола рыбы серебрянки и зажег две свечи в дополнение к лампе. Антон посмотрел в камелек и начал читать:

— «...В Старой Гавани звездной ветреной ночью снялась с якоря иностранная шхуна. В ее трюмах были бочки с ромом, порохом и медью. Одинокая фигурка женщины с берега махала рукой. Шхуна вышла в море, и ветер запел в парусах. На вторую ночную вахту встал капитан. Но едва он взялся за дверь штурманской рубки, как два выстрела грянули из трюма...»

Усолецев, как школьник, высунул язык. У Шамиля вспотели очки. Адам пытается раскурить трубку, забыв набить ее табаком. Зачарованные девушки оторвались от снеди, во все глаза глядят на Антона.

Высокие тонкие свечи похожи на стрелы с золотыми наконечниками. В круглый зеленый иллюминатор бьют волны. И слушатели входят в них... Медленно проплывают медузы, обрывки рыбацких сетей. Слышится приглушенная толщей воды сказочная музыка. В подводных рифах призрачно чернеет шхуна, занесенная песком в коралловом лесу. Из чугунных жерл пушек выплывает рыба молодь. На мостике дремлет спрут. Слушателям кажется, что они сами сидят в салоне шхуны, им видятся огни свечей, стол, склоненный над книжкой Антон. Над ними джунгли кораллов и толща океана...

Оплыли тонкие свечи. Закрыта книжка. Адам чиркнул спичкой. Усолецев шикнул на него: «Тише!» — и Адам виновато задал огонек заскорюльми пальцами. Покурить вышли на палубу.

Распогодилось. Скупые японские звезды лежат на дальних сопках. Ночью бухта прекрасна. Днем грязная, шумная, вечно недостроенная, она во тьме преобразается. Днем скрежет, камень, стон железа. Ночью огни, тени, покой. Спокойнее работают краны. Набережная кажется ровнее. С неба падают столбы света — это мощные портовые прожекторы. Тени придают порту таинственные черты неведомого города. На пристани идет кино. Дремучие красноголовые бурьяны шевелятся на центральной площади. На кругу, наспех залитом бетоном, кружатся пары молодых строителей.

Утром было воскресенье. Нежно синело небо. Сверкало море. Стройки безлюдны. Стоят машины. Остались в цементном растворе лопаты. Зато оживленно в домах. Женщины хлопот с завтраком. Дети самозабвенно играют на увядающей траве. Вытряхиваются ковры. Развешиваются свежие, подсиненные простыни.

Японские коттеджи обсажены украинскими подсолнухами и вишенем. И в больших и в маленьких домах мужчины ведут себя соответственно возрасту. Те, кому осталось жить совсем мало, поливали цветы в палисадниках. Люди средних лет жмурились на солнце и держали в руках запотевшие от холодного пива стаканы, слушали песни Утесова и Маслениковой. Молодые парни гоняли голубей, смолдили лодки, ремонтировали велосипеды, чистили ружья и затрагивали молодежных модниц, всю неделю ходивших в грубых комбинезонах, а сегодня нарядившихся в яркий шелк.

Высокая сопка словно забинтована белой дорогой. По ней густо идут новоселы на рынок, заменяющий магазины, клубы, театр, которые только строятся.

Смачно ударился и развалился морозно-красной мякотью арбуз, разбитый о бумер машины. Бригада Усолецева лакомится. Антон отошел в сторонку, купил фруктов и букет белых роз. Ремизов подмигнул своим.

Солнце уже припекает. Базар расположен на каменной лысине сопки. Далеко внизу зеленое зеркало моря. Там носятся чайки. На живописном островке работает ресторанчик. Все чаще сворачивают к нему мнимые рыбаки на ярко выкрашенных лодках.

Антон выбрался из гомонящей толпы. Прошел мимо новенького

кладбища. Оно неогороженное, необжитое. Могилы больше детские: дети хуже переносят перемену мест. Есть и взрослые. На одной памятник — рулевая баранка на трубе, залитая в бетон под таким же углом, как она стояла в кабине разбившегося грузовика. Антон прошел мимо милиции, загса и вошел во двор грязно-желтого дома в несколько этажей. Возле двери толпа посетителей.

— Вам кого? — спросила Антона медсестра.

— Рудневу Надю.

— Долго же вы не шли! — выговаривает ему сестра. — Идите со двора, к окну, а передачу давайте! — Она забрала цветы и фрукты.

Антон стоит в толпе отцов и родных. Роженицы выглядывают из окон с решетками. На втором этаже, на водосточных трубах, переговариваются два отца:

— Что у вас?

— Пока ничего...

— А у меня мальчик...

— Чего же вы здесь сидите?

— А куда же мне идти теперь?

Антон смотрит на окна. Среди полных, румяных женщин показывается девушка — худенькая, с бледно-золотыми волосами, в темном байковом халате с рыжим пятном на рукаве. Прижимает к груди розы. Посмотрела на людей — все незнакомы — и стала смотреть туда, где в осенних лучах нежилась море, дымили рыбацьи шхуны и гомонил рынок.

Держась за рваное железо, Антон по трубе добрался до второго этажа, сказал:

— Здравствуй, Надя.

— Здравствуй.

— Как вы себя чувствуете?

— Теперь хорошо. Спасибо... Кто вы?

— Я машинист, еду на Командорские острова.

— Откуда вы меня знаете?

— Должен же кто-нибудь вас поздравить.

— Вы знали Олега?

— Нет, не знал.

Грустно смотрит она на него неподвижными, как у слепой, глазами. Подошла медсестра, строго сказала:

— Руднева, в постель.

— Я еще приду к вам, — сказал Антон.

На глазах девушки блеснули слезинки.

Он не успел прыгнуть с трубы — его подхватила бригада и стала качать. Они принесли огромные батоны, кету, дыни. От души поздравляют Антона с первенцем.

— Совесть не позволила, — объясняет Шамиль всем любопытным. — Пришел-таки!

— Нет, ребята, у меня и жены нету! — сказал Антон.

— И так бывает, ничего, не стесняйся, свадьбу справим при ребенке, — утешает Антона Усолецев, отдавая еду служительнице. Жалобно поморгал глазами, неуклюже повертелся и потянул за горло бутылку из кармана:

— Вроде бы мы постановили не пить, но ведь случай какой!

— Нет, и ребенок не мой, — говорит Антон. — Просто так пришел.

— Значит, не отец и не муж? Кто же ты тогда? Нельзя, чтобы без названия! — говорит Шамиль, великий знаток энциклопедии, где все названо. — Вот ты кто, — решил он, — ты двоюродный муж.

— Согласен, — улыбнулся Антон.

Наступил день расставания — пришел пароход Антона. Пошли на пристань — Антон впереди, сзади в траурном молчании бригада в наутюженных брюках и капитанских кашне, Ира и Надя с ребенком на руках.

— Чуть не забыл, — говорит Антон и отдает Усолецеву пару пакетов.

Попрощались. Помедлили, и обнялись, и поцеловались.

— Я вернусь, до свидания, — уходит Антон.

Третий гудок. Парадный трап пополз по борту.

— Вон он, — показывает Усолецев на палубу, забитую пассажирами.

Ширится полоса воды между кораблем и причалом. Ветер запел в снастях.

— Счастливого плавания! — кричат с берега.

— Прошел по жизни хороший человек, — сказала Ира.

— Хороший был грузчик, — согласился Усолецев.

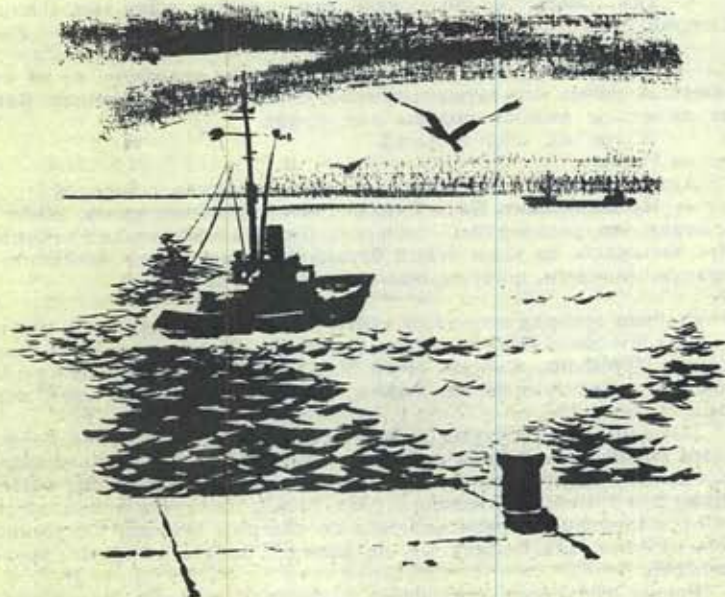
Эта простая история была много лет назад. Надя стала женой Ремизова, который с Адамом по-прежнему грузит корабли — в бригаде коммунистического труда. Буксир «Находка», бывший «Адмирал Мудзимур», ушел в Черноморский флот. Усолецев работает диспетчером. Шамиль женился на Ире, он штурман. Часто они собираются все в саду у Ремизовых. Говорят о делах, о жизни, слушают пластинки, отмечают торжественные даты.

Иногда какая-нибудь мелочь заставит вспомнить Антона, и тогда до утра не могут уснуть подруги Ира и Надя, влюбленные в человека, который вовремя приходил туда, где трудно. Они лежат на плоской крыше коттеджа, смотрят на созвездия и шепчутся...

Где он сейчас? Что делает?

Они верят: когда-нибудь он вернется в их порт. Будет тихий, звездный вечер, в шесте воли, в аромате яблоч и смолы. Он придет к ним сюда, в сад, прочтет новый рассказ или пойдет грузить корабли в ночную смену, на рассвете все выйдут на сопку встречать солнце.

Они ждут его. Даже десятилетний сын Нади ждет «папу Антона». Шамиль и Ремизов ревнуют своих жен к двоюродному мужу. Но Ира и Надя не устают повторять, что навеки влюблены в Антона, что он их первая и единственная любовь.

РЕПОРТАЖ

Ребятишки всем дают прозвища, особенно учителям. Его они назвали спонным именем Джумбо. Внешне он действительно смахивает на слона, этот плотный лысеющий учитель из Ковентри, человек с закрытым, не знающим улыбки лицом. А внутренне...

Я считаю, что он самый опасный человек в Англии. А я-то уж знаю. Ведь я сам состоял в организации, которую он возглавляет, — чудовищной, человекоенавистнической организации, именуемой британской нацистской партией.

Имя этого учителя — Колин Джордан. Возраст — тридцать девять лет. Любимое занятие — собирать толпу. Взгляды — расизм, антисемитизм, преклонение перед Гитлером и всем, что связано с ним. Его цель — установить в Англии фашизм.

У него есть и специальная педагогическая программа: ведь он учитель. Он требует реформировать систему преподавания на основе евгеники. Ученикам, по его бредовому мнению, надо прежде всего внушать мысль о преступности смешанных браков.

Если вы свернете с одной из са-тенистых улиц Лондона — Холланд Парк Роад — и пройдете несколько кварталов, то окажетесь перед домом № 74 по Принсдейлроад. Это чистенькое, аккуратненькое трехэтажное здание и есть штаб-квартира английского нацизма. Здание как бы съжилось от страха за тяжелыми стальными решетками окон.

Здесь, в роскошно обставленной комнате наверху, Колин Джордан и вынашивает свои грязные замыслы. Он глава дьявольского триумвирата, в который, кроме него, входят Джон Тиндалл, именуемый национальным секретарем, и его заместитель Деннис Пирн.

Тиндалл и был тем человеком, который принял меня, когда я пришел на Принсдейлроад, 74, с целью проникнуть в фашистскую организацию. Он оказался блондином с выцветшими голубыми глазами. Я сказал, что сочувствую фашистскому движению. Нацисты готовили тогда свой очередной огромный митинг «Освободим Англию от евреев». Я заявил, что готов помочь в его проведении. Выслушав меня, Тиндалл спросил:

— Помочь! Каким образом! В качестве охранника разве!

Я сказал, что, видимо, смогу быть полезен в чем-то в этом роде.

— Ну, тогда валяйте. Мы ожидаем много хлопот, на этот раз из-за коммунистов. Приходите за полчаса до начала, и мы поставим вас в цепь.

Так я стал нацистским сообщником.

Митинг начался беспорядками, а кончился настоящей свалкой. Кулаки все время были в ходу. Нацисты отбивались. Публика, возмущенная погромными тирадами Джордана, пыталась прорваться сквозь охранявшие его полицейские барьеры и расправиться с ним и его приспешниками. Я и другие рядовые фашисты помогали полицейским. Во время одного прорыва меня опрокинули. Кто-то прошелся по моей спине, и от этого прикосновения моя неприязнь к Джордану резко усилилась.

Когда митинг окончился, собравшиеся хотели линчевать фашистов.

Билли ДЖЕЙМС,
английский журналист

ИЗ ЛОГОВА

Атмосферу столь дикого неистовства не так часто приходится наблюдать в Англии. Что ж, фашистам поделом! Они сами проповедают насилие, и было бы неплохо, если бы им пришлось сразу испытать его вкус.

После митинга я познакомился с фашистами ближе. Активных членов партии Джордана не так уж много — человек пятьдесят. Они совсем недавно отпочковались от Английской национальной партии. Джордан и К — это самая оголтелая клика английских фашистов. В отличие от Мосли они отбросили всякую маскировку и отстаивают наиболее реакционные идеи гитлеровского наследия. В своем историческом бреде они не считают ни с какими уроками истории.

В комнатах на Принсдейлроад, 74, висят портреты Гитлера и Гесса. Многие из тех, кто смотрит на них, верят, что немецкий диктатор еще жив.

Все нацисты одеваются одинаково: серые рубашки, черные ремни, темные галифе и высокие черные сапоги. Те самые сапоги,

что двадцать лет назад вытоптали всю Европу. На лацканах фашисты носят маленькие круглые значки со свастикой.

Под портретами своих героев они устраивают репетиции драк. И надо сказать, что в этом деле они преуспели. «Мы свернем шею любому, кто окажется на нашем пути», — хвастался мне один из нацистов.

Кто помогает фашистам! Поддержка приходит из разных мест. Одно из них — Кенсингтон, аристократический район Лондона. Здесь их анонимно поддерживают колониальные тузы и их драчливые сынки.

Опираются фашисты и на другие районы. Особенно на те, где остро стоит расовый вопрос. Расовые предрассудки крепко укоренились в Ноттинг Хилле, Лэдброук Гроув, Холланд Парке, Шелперд Буш. Здесь человеку с другим цветом кожи показываться опасно. Его могут оплевать или избить в любом общественном месте.

В этих районах Джордан неустанно проповедует юнцам свои теории. Тех из своих юных слу-

шателей, кто попадает в тюрьму за уголовные преступления, он зачисляет потом в «безвинные жертвы еврейского беззакония».

Нацисты, впрочем, интересуются не только личностями. Еще больше их интересуют организации. Они хвастаются, что их члены проникли в политические партии, профсоюзы, университеты и т. д. Британская нацистская партия представляет собой лишь одно звено широкой всемирной организации. По свидетельству самих нацистов, деньги притекают к ним из ФРГ и США. Кроме того, по их словам, взносы поступают от магнатов английской промышленности...

Ученикам 1-го «Б» класса коventрийской средней школы, в котором преподавал Джордан, сегодня одиннадцать — двенадцать лет. Чему он их научил! И чему он может научить миллионы других молодых англичан, развращать души которых ему сегодня никто официально не препятствует!

Пока не поздно, Джордана нужно остановить. По нему плачет тюремная решетка.

„Гиперболоид инженера Гарина“? — „Гиперболоид“ Басова — Прохорова

СПУТНИКИ ДЕРЖАТСЯ НА СТОЛБАХ

Двадцать — двадцать пять лет назад студенты Московского энергетического института на своих вечерах нередко пели:

Гордится Франция Фабри,
Германия гордится Кантом,
А наше славное МЭИ
Гордится Валей Фабрикантом.

Слово «фабрикант» было известно студентам лишь из учебников и художественной литературы. И первокурсники обычно спрашивали своих старших товарищей: что это за Валя Фабрикант, которым гордится их институт? Оказывалось, что этот человек отнюдь не владеет фабриками, а преподает в их институте и успешно работает в области оптики. И Фабри, которым гордятся французы, тоже занимался оптикой, а один из гениев немецкого народа, Кант, перед тем как он окупился в пучины идеалистической философии, много сделал для развития естественных наук.

Валентин Александрович Фабрикант, о котором распеваали московские студенты, в 1939 году блестяще защитил докторскую диссертацию. В этой диссертации был небольшой раздел, посвященный доказательству того, что одно поразительное явление, наблюдавшееся лишь в лучах небесных светил, можно воспроизвести в лаборатории.

Это был чисто теоретический раздел работы. В то время открытие Фабриканта казалось неактуальным и было надолго забыто.

Никто не подозревал тогда, что новому открытию суждено приблизить век космических путешествий.

Кто знает, как давно человек впервые увидел в небе комету — хвостатую звезду, одно из самых редких и удивительных явлений? Давно выяснилось, из чего состоит и сама комета и ее хвост, но почему он вопреки силе притяжения отворачивается от Солнца, — это странное обстоятельство долго не находило объяснения. У ученых возникла полудогадка-полууверенность: свет, как любое материальное тело, способен оказывать механическое воздействие на встречные предметы! Эта удивительная гипотеза подтвердилась знаменитыми опытами русского физика П. Н. Лебедева, изучившего давление света в лабораторных условиях. И ученые поняли истинные причины странного поведения хвостатых звезд: Солнце отталкивает атомы и пылинки, из которых состоит кометный хвост, сильнее, чем притягивает их. Они убедились, что возникновение и развитие кометного хвоста — результат давления солнечного света.

Нельзя ли найти этому практическое применение? Ведь если создать мощный пучок электромагнитных волн, то его реактивная сила способна разогнать ракету гораздо сильнее, чем любой другой двигатель. Таким путем можно даже приблизиться к предельной скорости — скорости света. Правда, создание таких ракет, названных фотонными, пока еще остается разрешимым лишь на бумаге.

Но если задача создания фотонных ракет — дело будущего, то другая идея, идея использования давления света для удержания спутников на орбитах, вполне реальна для техники сегодняшнего дня. Пусть, решили ученые, лучи специальных мощных источников, расположенных на Земле, поступают со спутниками так же, как лучи Солнца с хвостами комет. Ведь необходимое для этого давление сравнительно невелико.

Однако расчеты показали, что даже самым мощным прожектором эта задача не по плечу. Дело в том, что луч прожектора, имеющий вначале диаметр 1—2 метра, постепенно расширяется, и на расстоянии в несколько километров площадь светового пятна уже составляет сотни квадратных метров. На высотах, где движутся спутники Земли, световые волны, излучаемые прожектором, разбегаются на

ЛМЧ

Ирина РАДУНСКАЯ

столь обширную площадь, что их давление, малое даже вблизи прожектора, оказывается ничтожным.

Можно ли уменьшить рассеивание светового пучка? Можно. Но для этого нужно уменьшить площадь источника света в прожекторе, а это значит, и его мощность. Так классическая светотехника оказалась в замкнутом круге. Ученые убедились, что решение задачи обычными методами невозможно.

Все же выход из тупика был найден. На стыке радиотехники, квантовой механики и оптики возникла новая наука — квантовая радиофизика, которая позволила создать принципиально новые источники света и радиоволн. Оказалось, что необходимые мощные пучки электромагнитных волн могут дать людям не Солнце, не прожекторы, не уже известные генераторы волн, а... атомы и молекулы! Конечно, если... Если заставить атомы излучать волны не хаотически, а согласованно. На возможность такого излучения указал еще Эйнштейн. Оно наблюдалось астрономами в некоторых небесных телах. Валентин Александрович Фабрикант обосновал пути искусственного получения такого дружного излучения атомов и молекул. Так его теория заложила одну из важнейших частей в фундаменте квантовой радиофизики.

Вскоре после войны Фабрикант вернулся к своему открытию, сформулировал его в столь четкой форме, что вместе со своими сотрудниками получил авторское свидетельство на изобретение.

Теперь трудно говорить, почему Фабрикант ограничился заявкой на изобретение и не выступил с сообщением о своем открытии перед учеными.

Но уже скоро, в 1952 году, ничего не зная о работах Фабриканта, молодые советские физики Н. Г. Басов и А. М. Прохоров доложили о своих новых работах. В этих работах обосновывалась возможность создания прибора, названного учеными молекулярным генератором и усилителем радиоволн. Вскоре молекулярный генератор заработал.

Это был замечательный прибор. Он излучал такие постоянные радиоволны, которых не давал еще ни один генератор, созданный руками человека. Достаточно сказать, что два таких прибора, построенных и пущенных в ход совершенно независимо один от другого, могут излучать настолько постоянные радиоволны, что частота их не различается между собой даже на одну десятиллиардную часть.

Молодые ученые решили преобразовать излучение молекулярного генератора в импульсы, следующие друг за другом с необыкновенной точностью, и заставили их управлять ходом обыкновенного электрического будильника. Так были созданы уникальные часы, ход которых практически не нуждается в регулировке и сверке с астрономическими наблюдениями. Проработав без остановки сто лет, они разойдутся с астрономическим временем не больше чем на одну секунду!

Над той же проблемой бились еще две груп-

пы ученых. В Колумбийском университете работами руководил молодой профессор Ч. Таунс, а в Мэрилендском — Дж. Вебер.

Таунс с сотрудниками первый опубликовал краткую заметку о построенном ими молекулярном генераторе радиоволн, который может работать и как усилитель. Они дали своему детищу имя «мазер», образованное первыми буквами английских слов «усиление молекул посредством индуцированного излучения».

Фабрикант предложил общий принцип. В Физическом институте в Москве и в американских университетах ученые, не знаящие об этой идее, не только самостоятельно пришли к ней, но и построили приборы, похожие друг на друга, как близнецы.

В 1954 году Басов и Прохоров описали другой способ реализации этого принципа. Они нашли, что систему атомов или молекул можно заставить усиливать или генерировать радиоволны, если облучать эти атомы и молекулы более короткими радиоволнами или освещать их ярким светом с подходящей длиной волны. Вскоре американский ученый Бломберг разработал этот способ специально для усиления радиоволн при помощи особых кристаллов, погруженных в жидкий гелий. Затем эстафета вернулась в Москву, где Фабрикант предложил еще один способ, позволяющий на основе открытого им явления построить газовую ячейку, усиливающую уже не радиоволны, а видимый и инфракрасный свет. Два пути усиления света и инфракрасных волн нашли группы ученых в Физическом институте. И, наконец, были созданы первые модели усилителей света и инфракрасных волн, использующие кристаллы рубина, подробно изученные Прохоровым, и минерала флюорита, с которым в Ленинграде работал Феофилов.

Исследования излучение паров различных металлов, газов, рубинов и изумрудов, стекол и жидкостей, испробовав молекулы и атомы всевозможных веществ, ученые отыскали среди них такие, которые можно заставить излучать волны еще более короткие, чем радиоволны, — излучать свет.

По ассоциации с «мазером» физики назвали новый, удивительный источник света «лазером».

— Чтобы получить от нити лампы накаливания луч света такой же яркости, как луч квантового генератора, ее потребовалось бы нагреть до температуры десять миллиардов градусов, — говорит Басов. — Иными словами, надо было бы иметь источник света в миллионы раз более горячий, чем Солнце!

«Лазеры» не похожи на огромные прожекторы и маяки. Они умещаются на ладони: сердце первого генератора света — цилиндр рубина длиной в несколько сантиметров и диаметром в пять миллиметров.

Этот источник света не раскален до чудовищной температуры, как Солнце, а совершенно холоден и потому особенно удобен. И дает прибор такой узкий световой луч, что не будет преувеличением говорить о световой игле.

ПРОЖЕКТОРЫ ОСВЕЩАЮТ ЛУНУ

■ НА ЗЕМЛЕ. В КОСМОСЕ. В НЕДРАХ ПЛАНЕТЫ

НЕ ЗНАЮЩИЙ ПРЕГРАД

Первые модели источников света, основанные на новых принципах, подтвердили ожидания ученых. Генератор, использующий кристаллы рубина или флюорита, дает пучок света в виде конуса с углом около одной десятой градуса. Но световая игла может быть еще острее, если в качестве рабочего вещества применить не кристаллы, а смесь подходящих газов.

Считано, что свет такого источника, направленный при помощи простой оптической системы в сторону Луны, высветит на ее поверхности пятно диаметром всего в три километра. Направляется мысль о локации Луны таким способом. Ведь тогда можно будет рассматривать все мельчайшие подробности ее рельефа.

Мощность пучка света, излучаемого существующими моделями, еще мала. Но ее увеличение представляет чисто техническую проблему и не требует открытия новых принципов. К тому же возможно объединение пучков света многих маломощных источников. Вот почему создание систем, способных с поверхности Земли поддерживать искусственные спутники на их орбитах, представляется реальным уже в наши дни.

Не подозревая о том, что он говорит о «лазере», Алексей Толстой в «Гиперболоиде инженера Гарина» писал: «Первый удар луча гиперболоида пришелся по заводской трубе — она заколебалась, надломилась посередине и упала... Был виден весь завод, раскинувшийся на много километров. Половина зданий его пылала, как карточные домики. Луч бешено выжигал среди этого разрушения...»

...действительно, используя энергию, излуча-

емую «лазерами», можно получить очень высокие температуры и колоссальное давление световых волн — сотни тысяч атмосфер! Такой пучок уже сейчас за миллионную долю секунды пробивает отверстие не только в стальной пластине, но и в алмазе. Это, несомненно, превосходный и пока единственно возможный инструмент для точной, почти ювелирной обработки жаростойких материалов. Ученые не могут даже предвидеть все открывающиеся возможности применения такого инструмента. Достаточно сказать, что два пересекающихся пучка света такой плотности непременно начнут взаимодействовать между собой. Но как? Даже теория еще не полностью изучила это явление.

Новые источники света будут применяться очень широко. И не только для поддержания спутников на орбите. Прежде всего источники и усилители видимого света необходимы для сверхдальних космических связей, где основное — это получение узких пучков. Только таким путем можно будет поддерживать связь на расстояниях, где радиоволны уже непригодны.

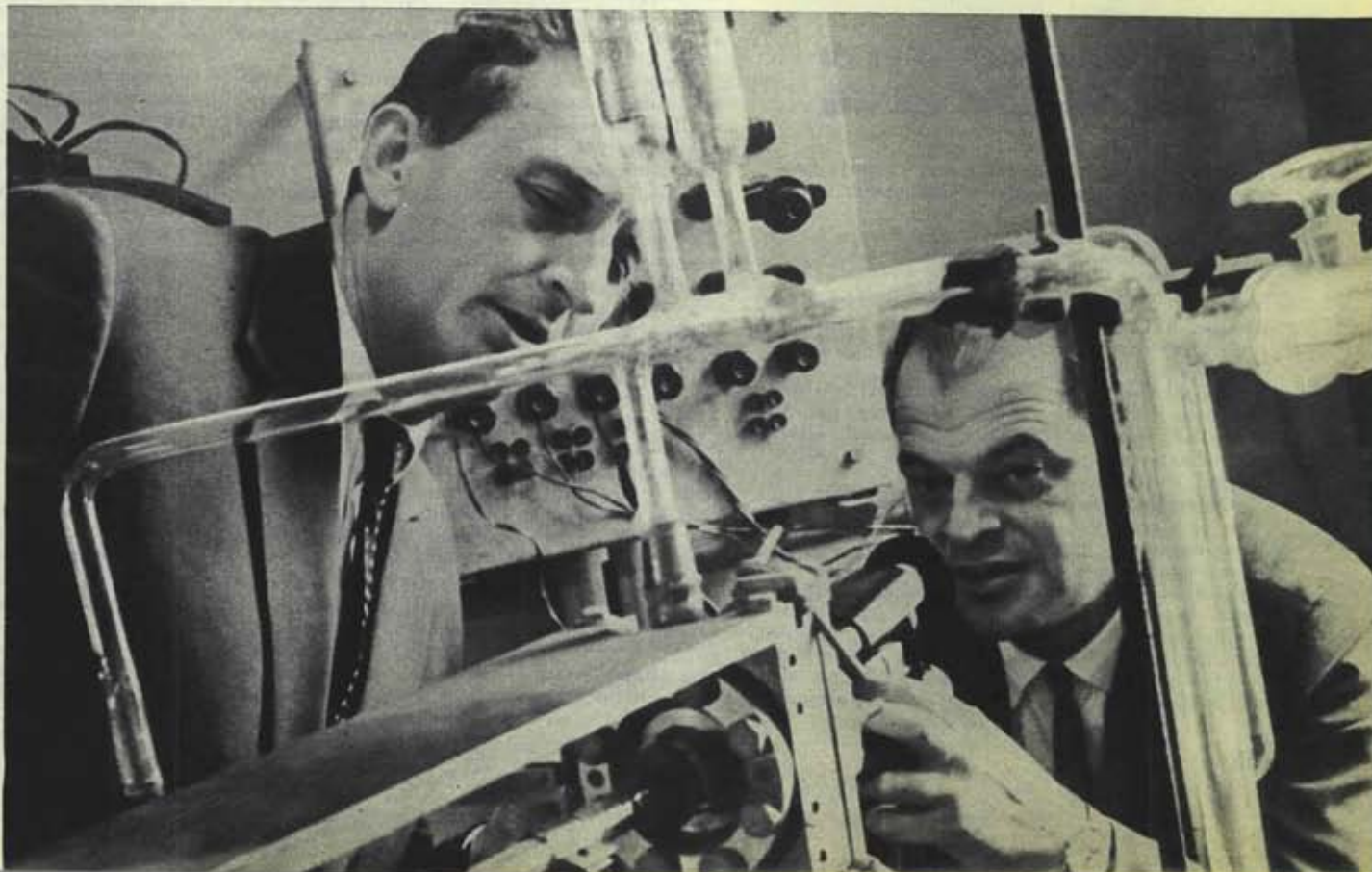
Для связи в земных условиях видимый свет не подходит, так как он сильно поглощается атмосферой, особенно при неблагоприятной погоде. Здесь будут применяться инфракрасные волны, часть которых хорошо проникает через туман и дождь. Линии связи, работающие на инфракрасных волнах, могут одновременно передавать до ста тысяч телевизионных программ или многие миллионы телефонных разговоров.

Усилители света и инфракрасных волн нужны и астрономам. Для того чтобы обнаружить чрезвычайно далекие, невидимые глазу звезды и туманности, астрономы должны часами фотографировать небо через огромные телескопы. Дальнейшее увеличение размеров телескопов и чувствительности фотопластинок наталкивается на огромные трудности. С помощью новых усилителей взгляд человека проникнет еще дальше в недра Вселенной. И еще глубже в недра вещества, так как уже созданы инфракрасные микроскопы, дающие возможность заглянуть внутрь многих тел, непрозрачных для обычного света. «Лазеры» смогут «ощупать» дно морей и океанов, смогут осуществить связь под водой. Они намечают заманчивые пути управления химическими реакциями. При помощи достаточно мощных пучков электромагнитных волн можно возбуждать сильные колебания определенных молекул, не воздействуя при этом на другие. А так как возбуждение увеличивает химическую активность, то молекулы, получившие дополнительную энергию от световых волн, могут вступать в реакции, не идущие при обычных условиях. Таким путем можно вызывать желательные реакции, управлять их течением и «по заказу» получать новые химические соединения. Уже разрабатываются проекты применения сверхинтенсивных пучков света для ускорения элементарных частиц до сверхвысоких энергий, недостижимых при помощи крупнейших современных ускорителей, и многие другие замечательные проекты.

Рубиновый луч начинает свою верную службу людям.

То, что мы с детства называли «гиперболоидом инженера Гарина», теперь именуется квантовым оптическим генератором. Он создан советскими учеными — членами — корреспондентами Академии наук СССР А. М. Прохоровым (слева) и Н. Г. Басовым в лаборатории колебаний Физического института.

Фото А. УСТИНОВА.

Я

иду по Дерибасовской к парку имени Шевченко через мост со стрельчатой чугунной оградой. Мост перекинут над коридором улицы, сбегаящей к порту.

Вот этой же дорогой примерно год назад я шел с Петром Кондрашовым, инструктором Одесского горкома комсомола. Мы тогда уже не первый день ходили вместе по Одессе. Я разговаривал с людьми о театре, музыке, живописи. Петр — о комсомольской работе. И эти две темы, то перекрещиваясь, то шагая рядом, помогали нам увидеть, чем живут люди.

Внешне Петр держится немного сухохвато, но вот на этом мосту, рассказывая, что студенты получили прекрасный дворец, он забыл о своей обычной сдержанности. Петр рассказывал, каким будет этот чудесный дворец, и мне захотелось приехать сюда через год, чтобы написать о нем. И вот я здесь.

Год назад у входа было пусто. Во дворце пахло стружками, краской и белилами. Я захожу в него сейчас, ожидая той студенческой атмосферы, которую не спутаешь ни с чем.

В полупустом зале выступала самодеятельность горторга. Четыре девушки самоотверженно пели квинтетом, дуэтом и соло, в перерывах работал конференсье, без перерыва играла пианистка. Можно аплодировать смело эти шестерых, на полчаса оккупировавших сцену. Но какое отношение весь этот вечер имел к студентам?

ВЕЧЕР ВТОРОЙ

Сегодня во Дворце студентов состоится вечер какого-то конструкторского бюро. Чей вечер был вчера, я так и не понял. Но в Доме культуры железнодорожников на городском смотре самодеятельности выступает оркестр Дворца студентов под управлением Балатинского, художественного руководителя дворца. Иду туда.

Вернувшись в номер, записываю основные впечатления. Оркестр большой, отлично слаженный, с очень разной и спорной программой. Вместе с оркестром выступает вокальный ансамбль. Такой оркестр создан в течение года — это великолепно! Но на следующее утро в горкоме комсомола я узнал, что оркестр вместе с руководителем пришел во Дворец студентов из Дома промкооперации, лишь частично изменен состав.

Итак, хороший оркестр, или, как говорят в Одессе, сильный коллектив. Чем еще богат Дворец студентов?

ДВА КУБОМЕТРА ДОСОК

По узкой маленькой комнате, сдвинув плечи, идут юноши и девушки. Они поют:

Шумит над нами время боевое,
Прифронтовую линию летя...
Мы будем жить легендарной молодью
И через год и двадцать лет спустя.

Гремит пианино. На перевернутом стуле торжественно отбивают марш. Комната короткая, ее не хватает на песню. Отступив назад, ребята начинают новый куплет...

Эти юноши и девушки — актеры МТД — Молодежного театра драмы. Готовится первая премьера — пьеса Михаила Светлова «Двадцать лет спустя». Песня кончилась. Сдвинули стулья и говорим «за жизнь».

Спектакль давно готов. Они готовили его месяц за месяцем, но когда пришли репетировать на сцене, произошло непонятное. Молодому коллективу не дали сцены, зал был все время занят. Там проходили лекции и крутились кинофильмы. Месяц подряд ребята репетировали с одиннадцати-двенадцати вечера до трех-четырех часов ночи: в это время сцена была свободна. Спектакль был готов, но премьеры так и не состоялось из-за отсутст-

вия двух кубометров досок, обыкновенных досок, необходимых для декорации. Сейчас доски привезли, и спектакль стараются сохранить, поддерживая его новыми репетициями.

КУПЛЕНО ОПЛАЧЕНО

Я видел Дворец студентов, отданный напрокат мебельной фабрике вместе с частью самодеятельности. Во время концерта работни-

Доход дают также кино и сдача зрительного зала на праздники различным организациям. Вот в кабинет входит представитель мебельной фабрики. За аренду зрительного зала фабрика заплатит дворцу сто пятьдесят рублей и столько же за концерт.

— Только чтобы концерт был хороший, — просит представитель фабрики. — А то в прошлом году наши были недовольны.

— Почему недовольны? В прошлом году у вас был наш театр миниатюр «Парнас», он всегда пользуется успехом. А сейчас мы вам дадим номера, отмеченные оценкой «отлично» на городском конкурсе.

Итак, концерт продан. Как его встречали зрители, я уже писал.

Владимир БЕЛОВ.

ПОД СПУСТЯ

цы обсуждали: стоит ли свистеть или нет? Они были хорошо воспитаны и не засвистели. Но в зале громко хлопали стулья — это уходили возмущенные зрители.

Я видел вечер отдыха студентов. В перерывах между танцами их развлекал массовик из Дома народного творчества. И еще я видел рисунки студентов в полутемном помещении изостудии дворца.

Руководитель изостудии Зоя Александровна Ивницкая говорила радостно:

— Вы знаете, они все без всякой школы, но очень способные. Вот смотрите, это рисовали во время поступления, а это — сейчас.

И, глядя на огромный путь, который прошли ребята по дороге к мастерству за каких-то полгода, я думал: почему весь Дворец студентов не прошел подобного пути? Ответ на этот вопрос я нашел за высокой дверью с золотой табличкой «Директор».

Кабинет директора огромен. Высокие окна, широкий балкон. Не знаю, может быть, для того, чтобы управлять мощным штатом уборщиц, и нужен такой кабинет, во всяком случае, это помещение больше подходит для изостудии или комнаты отдыха.

Я гоню от себя эту крамольную мысль и внимательно слушаю директора дворца Михаила Павловича Краснянского. Он рассказывает, из чего складываются доходы Дворца студентов. Дотация — двадцать тысяч рублей, сорок тысяч приносят курсы кройки и шитья.

Представитель фабрики ушел, и Михаил Павлович продолжает свой рассказ.

— Мы многое купили для дворца. Будут мольберты, они уже оплачены, куплена новая киноаппаратура. По-новому будут оформлены стены дворца, это обойдется в четыре тысячи рублей. Такую же сумму заплатили за создание программ для оркестра Балатинского и для «Парнаса».

Краснянский говорит «куплено», «оплачено», а у меня ощущение, что студентов обворовали. Ведь еще год назад встречался я с ребятами из «Парнаса». Они тогда готовили эстрадное обозрение, писали его сами, или, как они говорили, их литературная группа. Может быть, эта группа не справилась? Но ведь можно было повесить в вестибюлях одесских вузов броские объявления: «Конкурс на лучшее эстрадное обозрение для театра «Парнас».

Сколько человек приняло бы участие в таком конкурсе! Сколько студентов вечерами за письменным столом пробовали бы на вкус каждую фразу?

А в консерватории разве не нашлись бы свои композиторы, которые создали бы новую программу для оркестра?

Но здесь не ищут. Здесь боятся поверить в творческие возможности студентов. Ведь приходили же к директору студенты художественного училища, просили: «Дайте нам немного известки, штукатурки, красок, и мы сами бесплатно распишем фресками стены

дворца». Но директор не поверил. И вот за оформление заплатили четыре тысячи. Сколько плохих концертов было дано ради этого? Это можно было бы подсчитать. Но никаким конторским книгам и ведомостям не учесть, сколько молодых способных литераторов, художников, музыкантов не пришло во дворец после этого отказа.

«Куплено, куплено,—повторяет Михаил Павлович.—Нужно еще многое купить, а денег мало».

Но если даже завтра будет закуплено все необходимое, Дворца студентов все равно не будет. Не будет хотя бы потому, что не чувствуют они себя здесь хозяевами. Как же это произошло?

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Если бы в помещении, принадлежащем кондитерской фабрике, начали делать счетно-решающие машины, кондитеров заменили бы инженеры, иначе машин не было бы. Это ясно. Был ведомственный Дом культуры, стал Дворец студентов. На первый взгляд ничего не изменилось, и нет причин менять персонал.

При Дворце студентов был создан совет, в него вошли представители вузов города. очень скоро выяснилось, что представители студенчества и администрация не ладят между собой. Дело совсем не в том, что студенты были хорошими, а администрация плохая, или наоборот. Просто люди слишком по-разному понимали свои задачи.

Этот спор решался в разных инстанциях. Директор ушел, пришел новый — Михаил Павлович Краснянский. От него ждали реформ. Реформ не было, и совет Дворца студентов фактически растаял.

Во дворце появился оркестр Балатинского, начала оживать самодеятельность. Но, по существу, ничего не изменилось — студенты не стали хозяевами своего дворца.

Виновата ли во всем дирекция? Думаю, что да. Но во многом виноваты и обидевшийся совет и комсомольские организации вузов, примирившиеся с тем, что дворец преподносит им готовые «мероприятия».

А ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?

Что ж, если все останется по-прежнему, можно заранее предсказать, каким будет дворец через год. В нем будет новая, современная мебель, появятся новые костюмы для самодеятельности. Самодеятельность станет больше и, думаю, лучше. В общем, все будет вполне благополучно.

Так о чем же тогда разговор? А разговор идет о главном — о том, что дворец должен стать делом самих студентов, делом, которое их научит очень многому.

Возможно, что студенты, начав фантазировать, не рассчитают своих сил и не все задуманное будет сделано, однако это не измеришь простой меркой «вышло, не вышло». Ведь сама работа будет учебной. Здесь разовьются организаторские способности, здесь люди поймут, как сложна дорога от фантазии до ее воплощения.

Давайте минутку пофантазируем. Вот проходит во дворце вечер отдыха той же мебельной фабрики. На вечере показывают не просто самодеятельность, а весело обыгрывают дела и заботы фабрики. Студенты побывали там заранее, узнали об успехах и недостатках. В комнате технической мысли старшекурсники завязывают связи с рационализаторами. Филологи делают для любителей обзор последних книжных новинок. В малом зале пианист из консерватории дает небольшой концерт. В фойе гремит танцевальная музыка. Но здесь не тесно, ведь народ разошелся по всему дворцу, где много интересного. Хозяе-

ва охотно рассказывают будущим абитуриентам (на любом заводе есть такие) о своих факультетах. А в буфете продают черный кофе и недорогие булочки с учетом студенческого и рабочего бюджета, а не только пиво и вино, как сейчас.

Может быть, все произойдет не так. Но важно, чтобы каждый вечер был плодом работы большого студенческого коллектива. И тогда гости уйдут из дворца, чувствуя, что они побывали в гостях у студенчества Одессы.

А уж свои вечера отдыха студенты, конечно, смогут организовать без помощи массовика из Дома народного творчества.

По силам ли студентам такая задача, ведь они учатся? Может быть, для этого нужна бездна штатных руководителей? Челуха! В Одессе тысячи студентов, в Одессе четырнадцать вузов.

Но, может быть, не так уж важно, как проходят вечера, кем они подготовлены? Важно, да еще как! Сегодняшние студенты станут молодыми специалистами и разъедутся во все концы страны. Как не хватает сейчас на новостройках и в рабочих поселках людей, которые учили бы молодежь отдыхать по-настоящему!

Я пишу и все время вспоминаю скептические замечания Краснянского и Балатинского, что это хорошие рассуждения, что так бывает только в газетах, а на самом деле все решают деньги. Я слышу уверенный голос Балатинского: «Мы бы заработали денег, если бы нам разрешили». Но разве деньги — это главное?

В Новгороде в педагогическом институте работает Общество любителей искусств. Студенты сами готовят интереснейшие доклады о художниках и композиторах. Никаких особых денег у них не было, а устраивались увлекательные вечера, посвященные Левитану, Айвазовскому, Бородину. А в Одесском Дворце студентов провели «культурное мероприятие» — лекцию про всю Третьяковскую галерею сразу... Можно себе представить, насколько она была глубокой.

В Кузбассе существует великолепный балетный коллектив, которым руководит Вера Федоровна Павлова. В нем участвуют металлурги, строители, учителя, студенты. Они выступают в сопровождении оркестра. А здесь, во дворце, балетная пара танцует под гармошку.

В московских школах ребята с рубанками в руках работают не хуже хороших столяров, а во дворце полгода ждали десяток мольбертов, заказанных на стороне. Неужели студенты не могли бы иметь свою мастерскую, в которой они делали бы многое для своего дворца?

Возможно, Михаилу Павловичу Краснянскому все это покажется фантазией. Но может ли человек, который не верит в творческие возможности молодежи, руководить таким дворцом, даже если это честный и добросовестный работник?

СПОРТИТЬ НЕ О ЧЕМ

По дороге в горком комсомола я готовил речь. В кабинете Петра Кондрашова я произнес ее. Петр теперь заведует студенческим отделом, и я ожидал возражений. Но он только согласно кивал головой.

Сократив свою речь наполовину, я повторил ее в кабинете первого секретаря Одесского горкома комсомола Евгения Бельтюкова. И снова у меня было ощущение, что я лопнул в открытую дверь.

— Знаем, что плохо у нас с дворцом,— подтвердил Евгений,— собирались им заняться.— Переглянулся с Кондрашовым.— Давай ускорим.

На повестке дня ближайшего бюро горкома комсомола появился внеочередной вопрос: «Работа Дворца студентов».

Хочется приехать в Одессу через год. Может быть, тогда я смогу написать о Дворце студентов так, как мечтал об этом, вспоминая прошлогодний разговор с Кондрашовым.

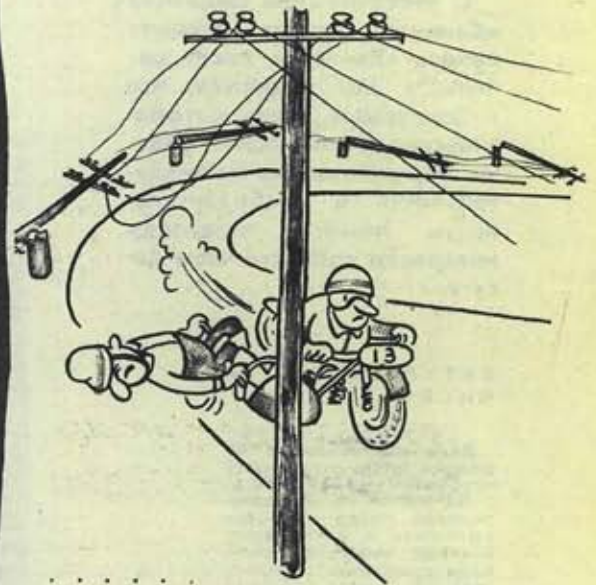

Рисунок О. ТЕСЛЕРА

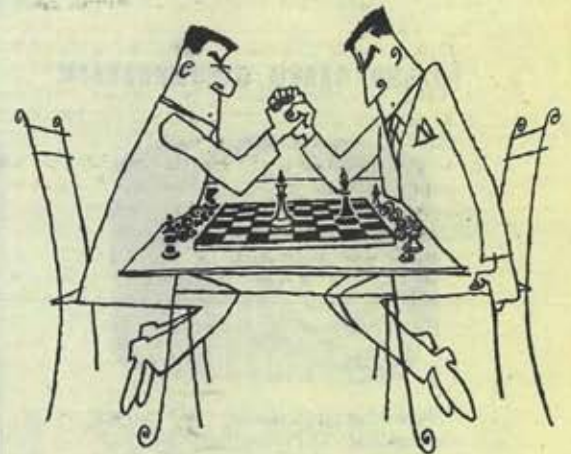

Рисунок Б. ЧУПРЫГИНА.

Рисунок И. ТЮКВИНА.

С этого номера редакция «Смены» решила открыть раздел «Вечером, после работы...». Мы надеемся, что публикуемые здесь математические и логические задачи, упражнения на наблюдательность и сообразительность, помогут читателям интересно провести часы досуга.

ИНТЕРЕСНОЕ ЧИСЛО

Дано составленное из разных цифр девятизначное число — 123456789. На какое четное однозначное число надо его умножить и какое однозначное нечетное число надо прибавить к произведению, чтобы получить самое наибольшее девятизначное число, также написанное разными цифрами?

Только одним взвешиванием

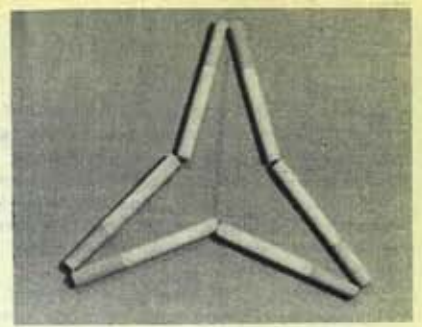
Перед вами лежат 100 монет одинакового достоинства. Они разделены на 10 равных частей. В одной из частей все монеты поддельные, но ни по каким внешним признакам они не отличаются от подлинных. Известно только, что каждая поддельная монета либо легче, либо тяжелее каждой настоящей монеты на $1/10$ своего веса. Как при помощи только одного взвешивания на весах с разновесом определить, в какой из кучек находятся фальшивые монеты? Следует добавить, что вес подлинных монет известен (например, все они по 1, 2, 3 и т. д. грамма).

КТО РОВЕСНИЦЫ?

В общежитии в одной комнате живут четыре девушки: Маша, Валя, Тania и Галя. Две из них ровесницы. Маша была бы старше Тани, если бы она не была моложе Гали. Валя была бы моложе Тани, если бы она не была старше Гали. Кто ровесница Тани — Маша, Валя или Галя?

ЗАДАЧА С 13 СПИЧКАМИ

Каждая спичка в длину имеет 4,5 сантиметра. Как из 13 спичек сложить 1 метр?

ВОЗМОЖНО ЛИ?

На фотографии вы видите шесть одинаковых папирос, сложенных в такую фигуру, что каждая касается двух других. Возможно ли построить фигуру, в которой бы каждая папироса касалась пяти остальных? Ломать или сгибать папиросы не разрешается.

ПРОВЕРЬТЕ СВОЮ НАБЛЮДАТЕЛЬНОСТЬ

Наш фотокорреспондент принес в редакцию снимок Москвы (верхнее фото). Однако при подготовке его к печати рету-

шер по рассеянности допустил некоторые неточности. Сравните нижний снимок с верхним и постарайтесь определить: в чем

ошибся ретушер? Можно соревноваться с товарищами: кто быстрее найдет все 10 ошибок ретушера?

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, Б-66, Спартаковская, 2-а.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Коммутатор Е 1-70-20.

Для справок — доб. 2-42; отделы: литературы и искусства — доб. 2-15; очерка и публицистики — доб. 3-52; международной жизни — доб. 3-21; физкультуры и спорта — доб. 3-44; сатиры и юмора — доб. 4-79; писем — доб. 2-53; науки и техники — Е 7-65-82; информации — Е 7-65-82; оформления — Е 7-51-32.

Главный редактор А. В. Никонов.

Редколлегия: Ю. Н. Верченко, Е. А. Долматовский, С. В. Егоров (ответственный секретарь), В. А. Костров, В. А. Кочетов, В. Л. Разумневич (заместитель главного редактора), Е. И. Рябчиков, А. Б. Стуков.

Рукописи не возвращаются.

Оформление В. Недогонова.

Технический редактор Н. Будкина.

А 00226. Подписано к печати 22/XII 1962 г.
Тираж 800 000 экз. Изд. № 2.
Заказ № 3309. Формат бумаги 70×108%.
2 б. л. — 5,48 п. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, Москва, ул. «Правды», 24.

ЖИВЫЕ ЧУЧЕЛА

С ПЕЧАТЮ НА УСТАХ

ГОВОРИТ КАК ПО ПИСАНОМУ

«НАДО ОБЪЯВИТЬ БЕСПОЩАДНУЮ БОРЬБУ ВСЯКИМ БОЛТУНАМ, ОЧКОВТИРАТЕЛЯМ, БЕСПРИНЦИПНЫМ И РАВНОДУШНЫМ ДЕЛЯГАМ. ЗЕМЛЯ ДОЛЖНА ГОРЕТЬ У НИХ ПОД НОГАМИ!»

(Из газет).

Рисунки Л. САМОЙЛОВА.

МЕДОТЧИВЫЙ

ВОДОЛЕН

ЛОВКО
ПОДВЕШЕН ЯЗЫК

Мирный атом. Уже сегодня он преданно служит людям. А какая его ждет работа завтра?

Известно, что радиоактивные изотопы применяются для лечения опухолей. Но вот беда: разрушая больные ткани, излучение может поразить и близлежащие здоровые клетки. Отсюда — лучевая болезнь. Как избежать этого?

В одной из самых молодых научных групп кафедры радиохимии химического факультета МГУ сейчас ведется работа по синтезу препаратов, которые, будучи введены в организм человека перед облучением, могут смягчить, а то и вовсе не допустить лучевого поражения.

Ряд препаратов, уже синтезированных в лаборатории, проходит биологическую проверку. Как всегда, первые подопытные — мыши.

Изучение механизма биологического действия радиоактивных веществ чрезвычайно важно науке. А пока здесь загадки, загадки; загадки. Ну, к примеру: в каких органах и тканях сосредоточивается защитный или лекарственный препарат? Насколько он устойчив в организме? Выяснить это можно с помощью «меченых» препаратов. Их приготовление — дело сложное. Оно требует предосторожности: приходится работать в специальных камерах, применять различные экраны и манипуляторы, надевать защитный костюм (см. первую страницу обложки).

Наш фотокорреспондент В. Сакн снял Тамару Лебедеву в момент работы на радиохромографе — приборе, помогающем определить «судьбу» «меченого» препарата, введенного в организм. Результат опыта вместе с Тamarой обсуждали и руководитель группы В. Федосеев, и аспиранты Е. Свердлов, А. Тарасенко, и дипломник И. Филиппович.

